

Мембред сегодняшнего дня

Алексей Калугин

Мертвоград

«ЭКСМО»

2010

Калугин А. А.

Мертвоград / А. А. Калугин — «Эксмо», 2010 — (Мембрэд
сегодняшнего дня)

После Исхода Москва превратилась в мертвый город. Да, в нем еще живут люди, но каждую минуту они могут стать жертвами монстров – гастов или гуллов – или, что еще страшнее, сами переродиться в подобных чудовищ. Алкоголь, наркотики, тупая музыка, дебилные шоу по телевидению и убийства, убийства, убийства – таков теперь удел обитателей Мертвограда. Загадочная Гильдия чистильщиков, подменив собой правительство, пытается странными и жестокими методами поддерживать порядок. Но разве возможно навести его на «пире во время чумы»? Однако на очередной вызов мчится «неотложка» чистильщиков. Именно санитару Игорю Пескову по прозвищу Гибер предстоит сделаться тем камешком, который увлечет за собой камнепад событий и или погребет обреченный город, или проломит стену отчаяния и страха...

Содержание

«Неотложка». Санитары	6
Ночь. Двое и бродяга	38
Локализаторы. Гнездо шоггота	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алексей Калугин

Мертвоград

Если тебе кажется, что все в порядке, это еще не значит, что система работает.

Император Ху

«Неотложка». Санитары

Ночной город сияет огнями, будто зовет куда-то.

Зачем?

Странно, но кажется, что после Исхода людей в городе стало больше. На улицах постоянная сутолока. Лоточники и зазывалы, юродивые и бродячие проповедники, наркоманы и наркоторговцы, проститутки и жулики, ищущие легкой добычи, безработные, высматривающие возможность быстрого заработка, просто шатающиеся без дела. Последних большинство. Всех тянет на улицу. Как будто страшно им оставаться в своих квартирах, наедине с телевизорами, транслирующими только развлекательные программы для жертв лоботомии. Ни истории, ни новостей. При слове «культура» рука тянется к бутылке. Даже фильмов серьезных не показывают. Как будто весь мир сошел с ума и хохочет с утра до ночи и всю ночь напролет, до рассвета. Так и будет надрываться от смеха, пока не задохнется и не околеет, подавившись собственной блевотиной.

Ночь раскидывает вокруг сеть своих черных щупалец. Толстые, упругие, маслянистые, они сжимаются кольцами вокруг домов; цепляясь за окна, лезут на крыши. Они хотят коснуться всего, всего, что есть в городе.

Парень в широченных синих штанах и желтой кофте, с морковкой в руке, неумело и нелепо приплясывает под грохот стоящего позади него на перевернутом ящике бумбокса.

Волосатый малый что-то невнятно бубнит под гитару и будто ловит зубами губную гармошку.

Размалеванная до полного беспредела рыжеволосая дамочка в короткой кожаной юбке и пушистом апельсиновом топике, с сигаретой в руке прогуливается вдоль тротуара. То ли клиента высматривает, то ли просто покурить вышла. Кому надо, тот разберется.

Два бородатых мужика о чем-то спорят, агрессивно, но беззлобно, то и дело выдергивая из рук оппонента початую бутылку.

И все это на залитой ярким электрическим светом улице. На фоне сияющих витрин. Как будто канун грандиозной предпраздничной распродажи.

Игорь смотрит на все это из кабины «неотложки» с зеленым крестом, и кажется санитару, будто город посылает ему, именно ему какие-то знаки. Вот только понять, расшифровать их ему никак не удается.

– Ты когда спал последний раз?

– А что?

– Паршиво выглядишь.

– Как обычно.

– Нет, обычно паршиво, но не настолько.

Игорь провел ладонью по заросшему колючей щетиной лицу.

Сколько дней он не брился. Три? Может быть, четыре?

Нет, лучше спросить иначе – когда он перестал считать дни?

Сегодня, когда он заступал на смену, Молчун окинул его недовольным взглядом, но ничего не сказал. Как обычно. А что он скажет, когда у него санитаров работоспособных раз два и обчелся.

Поначалу Игорь никак не мог понять, откуда на лице Молчуна это неизменное выражение вселенской скорби. Пока кто-то, да, может, тот же Верша, не рассказал ему, что прежде, до Исхода, Молчун был военным медиком и носил на погонах майорские звездочки.

Крепко держась за баранку, Верша смотрит вперед, на освещенную фарами дорожную разметку, так, будто читает зашифрованное послание, адресованное грядущим поколениям.

– Ты так себя угробишь... Слышишь, что ли, Гибер?

- Ага...
- Ну, и кому от этого лучше станет?
- Никому.
- Вот то-то и оно!

Верша точно знает когда, что, как и почему. В тех случаях, когда дело касается других, а не его самого.

Глянув на часы, Верша резко крутанул руль. Скрипнув тормозами, машина свернула в проулок.

– За полночь уже. Перекусить пора. Тут неподалеку есть китайский ресторанчик. Хочу говядину с лапшой.

- Может быть, просто пиццу возьмем?.. Или блинов?
- Хочу говядину с лапшой!

Игорь не любил китайскую еду, но спорить не стал. Верше ежели что в голову втемяшится, так его уже не переубедить. Каждый раз, когда они вместе на ночное дежурство выезжали, Верша тащил его в китайский ресторан. И каждый раз, часа через два после этого, он начинал жаловаться на газы в животе.

Ударив ногой по педали тормоза, Верша остановил машину в нескольких сантиметрах от нахально вывалившегося на дорогу старика в замызганном длиннополом пальто с меховым воротником, толкавшего перед собой тележку с огромным плоским телевизором.

– Ну, куда тебя несет, старый? – беззлобно, а только так, для порядка, заорал, выглянув в окошко, Верша. – Жить надоело, да?

Старик даже не глянул в его сторону. Но ответил таким отборным матом, что Верша от изумления рот разинул.

– Нет, ну, ты слыхал?! – спросил он, растерянно глядя вслед старику. – Надо было этого гнуса переехать! Точно! В следующий раз тормозить не стану! Я ему, можно сказать, жизнь спас! А он меня, ты слышал, куда послал?.. Пень бородатый!..

Машина нырнула под мост, выехала на Бутырскую и едва не врезалась в стоящий поперек улицы троллейбус.

- Да что ж это такое делается!

Отчаянно сигналив вставшим позади него машинам, Верша начал сдавать назад. Задние делали то же самое, но очень неохотно. Чтобы объехать брошенный троллейбус, Верше пришлось проявить все свое мастерство.

- Может, с патрульными связаться? – предложил Игорь. – Пусть уберут троллейбус.

– Да они все равно до утра заниматься этим не станут, – равнодушно махнул рукой Верша. – А к утру, глядишь, и хозяева объявятся... Кто-то ведь пригнал его сюда.

– Пригнал. Только непонятно, откуда и зачем. Из наземного транспорта только маршрутки остались.

- Электрички еще ходят.
- Ходят, только недалеко.
- А нам далеко и не надо, – хохотнул Верша.

У главного входа на Савеловский вокзал горел большой костер, разложенный прямо на мостовой, меж ларьков.

- Это что ж за празднество такое? – вытянул шею Верша.
- А какое сегодня число?
- Тринадцатое.
- А месяц?
- Ты что, Гиббер, совсем спятил? Может, тебе и год сказать?
- Успокойся, пошутил я.

– Дурацкие у тебя шуточки... Честно, Гибер, я подумал, что у тебя на самом деле крыша съехала.

– Тринадцатое мая. – Игорь достал из кармана тифон, включил календарь и ткнул пальцем в сегодняшнюю дату. – День явления Фатимской Божьей Матери.

– Ну да, – хохотнул Верша. – И по этому поводу народные гулянья в чумном городе.

– А еще сегодня пятница.

– Пятница тринадцатое? Это уже ближе к теме... Знаешь, Гибер, я хочу как-нибудь на камлание «Оков» посмотреть. Так просто, ради интереса. Говорят, у них забавно.

– Кто говорит?

– Ну... Мне сосед рассказывал. Он у «Оков» вроде агитатора – ходит по домам, листовки раздает...

Взвыла, будто насмерть перепуганная, бортовая рация.

– «Зебра», это «Линия»! Срочный вызов!

– Гибер, не отвечай, – зашептал Верша, словно боялся, что на другом конце линии его могут услышать. – Давай сначала поедим...

– «Зебра»! Срочный вызов! Ответьте!

Голос у Молчуна почти умоляющий. Вот так послушать его, и не скажешь, что был когда-то военным. Хоть бы одна командирская нотка.

– «Зебра»!..

– Надо ответить.

– Да брось ты, Гибер!..

Верша даже руку протянул, чтобы помешать напарнику ответить, но Игорь все же успел щелкнуть клавишей бортовой радиации.

– «Линия», я – «Зебра»! Что там у нас?

– Сырец на Второй Хуторской улице.

– Кто именно?

– По всей видимости, гаст или гулл.

– Ну, надо же! – хохотнув, ударил ладонью по рулю Верша. – Они до сих пор гастов от гуллов отличать не научились!

– Тварь одна? – спросил Игорь.

– Вроде одна. «Неотложку» вызвала пожилая семейная пара, заметившая странное существо во дворе дома.

– Из окна?

– Да.

– Из окна они и обдолбанного нарка могли за сырца принять.

– Могли. Но мы обязаны проверить.

Судя по голосу, Молчун, как всегда, чувствовал себя виноватым. За все и вся. Игорь не выносил, когда он начинал говорить таким тоном.

– Пострадавшие?

– По словам свидетелей, тварь пытается атаковать прохожих, но не очень активно.

– Не очень активно – это как? – криво усмехнулся Верша.

– Вызов принят. Через десять минут будем на месте.

– Патрульных попридержите! А то ведь начнут палить во всех подряд, не разобравшись, что к чему!

Верша включил сирену.

На крыше «неотложки» забегали желто-зеленые огни.

Ехавшие впереди машины шарахнулись в стороны.

– Понял... Спасибо, «Зебра».

Игорь щелкнул выключателем.

– Надо же, – насмешливо качнул головой Верша. – Молчун поблагодарил меня за то, что я остался голодным.

– Давай, давай, Верша! Набирай скорость!

– А я что делаю?

О, да!

Заслышав вой сирены, машины тут же прижимались к обочине, уступая первую полосу фургону с зеленым крестом. Зеленый крест был все равно что пропуск в ад. Вам с нами по пути? Нет? Тогда – в сторону! «Неотложка» чистильщиков – это вам не патруль! Патрульные – они с живыми дело имеют! Как правило.

С патрулем мирные граждане связываться не любили. Хотя те, не в пример былой милиции, вели себя предельно корректно. Особенно после того, как вышел приказ о расстреле мародеров на месте задержания. Ну чего, спрашивается, собачиться с человеком, если его можно просто пристрелить. Причем на совершенно законных основаниях. Правда, чей это был приказ, никто точно не знал. Версия о том, что патруль выполняет прямое распоряжение Гильдии чистильщиков, казалась самой правдоподобной. Все высшие чины, попы и руководство города первыми рванули из столицы, как только стало ясно, что заражение приобретает неконтролируемый характер и едва ли не у каждого, невзирая на должность и размер банковского счета, есть шанс обернуться сырцом. Жизнью столицы и прочих зараженных территорий теперь управляла Гильдия. Но верить в это никто не хотел. Упорно и тупо. Возможно, потому, что в прежние времена, до Исхода, о чистильщиках рассказывали и писали только всяческую ахи-нею и чистой воды бред:

«Тайное правительство, пришедшее к власти в день распятия Христа».

«Кто стоял за спиной Ленина, Сталина, Гитлера и Мао».

«Год 2012: Конец мировой цивилизации или возрождение Гильдии чистильщиков?»

Хотя, быть может, в этом и заключался замысел чистильщиков? Никто не знал о них ничего. Кроме того, что они существуют – в этом, пожалуй, не сомневался никто. Они рассказывали о себе только то, что сами хотели. Прочие же публикации создавали вокруг Гильдии ореол таинственности. А источник их силы и власти оставался тайной за семью печатями. Даже после того, как сама Гильдия вышла из тени на свет. То есть впервые официально признала факт своего существования.

Как правило, люди относятся с настороженностью и опаской к тому, что не могут понять. От чистильщиков же шарахались, как от чумы. Словно и правда заразиться боялись. Как будто они не боролись с заразой, а сами были ее источником. Быть может, все дело в том, что Гильдия сама назначила себя ответчиком за все, что происходит?

А что бы стало с городом, если бы не Гильдия?..

Все катилось кувырком, и все казалось неправильным.

Ну и ладно! Кому какое дело?

Многие так просто отказывались признавать сам факт существования Гильдии чистильщиков. Наверное, так им было проще принять съехавшую набекрень реальность. В новой и без того извратившейся до полного безобразия картине мира они не хотели оставлять место еще и для Гильдии. И без нее тошно было. А Гильдии было все равно. Чистильщики делали свое дело. И этим они отличались от прежних властей. Чистильщики существовали как объективная реальность, вне зависимости от того, верили в них или нет. И в этом было их принципиальное отличие от бога.

Снова развернувшись под мостом, машина вырулила на Вятскую и понеслась вперед, набирая скорость.

Быстрее... Еще быстрее...

Огни за бортом мелькают, скачут, сливаются в сплошные линии.

Игорь выставил руку в окно и почувствовал упругий поток прохладного ночного воздуха.

Скорость – только она давала ему ощущение жизни. Чем выше скорость несущейся по шоссе машины, тем больше шансов у ее пассажиров умереть.

– Быстрее!.. Быстрее!..

При аварии на скорости свыше ста двадцати километров в час, как правило, никто не выживает. Не спасают даже ремни безопасности.

– Еще быстрее!..

Бац – и все!

– Гибер! Ты сумасшедший! – кричит Верша и хохочет во всю глотку.

– Я знаю!.. Быстрее!

Машины отскакивают в стороны, как бильярдные шары, разбитые точным ударом.

Фабрика «Свобода». Разворот на Первую Хуторскую.

– Ну, куда ты прешь? Куда?..

Ударив бампером, «неотложка» вынесла на тротуар неудачно попытавшуюся обогнать ее розовую «Хонду».

Игорь сдавленно хохотнул. Он не любил сидеть за рулем. И ему не нравились мелкие полуспортивные машинки, юлившие в дорожном потоке, будто сардинки, уверенные, что на них хищная пасть не найдется.

Едва вырвав на Вторую Хуторскую, чистильщики сразу увидели зевак, собравшихся на углу дома. Это в первом-то часу ночи. Словно дел у них других не было.

Выпрыгнув из кабины на асфальт, еще не остывший после убийственной дневной жары, Верша красиво, как в кино, передернул затвор итальянского «Спектра» со снятым прикладом. Маленький, аккуратный, как игрушка, пистолет-пулемет – штатное оружие чистильщиков, работающих на улице.

– Так! По какому поводу собрание?

Игорь обошел машину с другой стороны и встал чуть позади Верши, держа в одной руке автомат, в другой – чемоданчик первой помощи.

Зеваки, собравшиеся на углу дома, не сказать что выглядели странно. Обычные ночные прохожие – безликие, будто смазанные лица, мелькающие в потоке точно таких же невыразительных полумасок. Странными делало их то, что они вдруг собрались вместе. Ночью. Под фонарем, горящим так ярко, будто он призван был уничтожить все тени. Чтобы сорвать покров с истины, разумеется.

Тринадцать-четырнадцать человек. Что они делают ночью на улице? Двое молодых парней в темных ветровках с капюшонами здорово смахивают на драгдилеров. Хотя на самом деле могли быть законопослушными гражданами и даже успевающими студентами одного из московских вузов. Не особенно престижного, но дающего законный диплом о высшем образовании. Который, наверное, еще кому-то зачем-то нужен. А наркоторговцем запросто мог оказаться молодой мужчина приятной наружности, в строгом деловом костюме, с темно-коричневым чемоданчиком-дипломатом в руках. Большие очки в роговой оправе делали его похожим на Бадди Холли. Кто он? Клерк, шедший с работы и задержавшийся, чтобы посмотреть, что тут происходит? Это какая же контора закрывается в полночь?.. Двое пожилых мужчин в поношенных спортивных костюмах, с красными одутловатыми лицами и несколько осоловевшими взглядами – страдающие бессонницей пенсионеры. Скорее всего, местные. Соседи. Вышли, чтобы пивом убить ночной недуг. И, судя по оттопыренным карманам, уже успели прогуляться до ближайшего ларька. Существует множество способов прикончить себя. Выбор конкретного зависит от того, насколько сильно ты любишь или ненавидишь то, что заключено в твоём теле. Можно пустить себе пулю в лоб – быстро и бесповоротно. А можно медленно и планомерно разрушать свою печень – метод вполне надежный, но вот концовка непрезентабельная. Все равно что в собственном дерьме утонуть...

Женщина среди зевак только одна. Далеко не молодая и крепко пьяная. В розовом банном халате, в нелепо съехавшем набок парике, с комично размазанной по лицу косметикой и сигаретой, нахально торчащей из угла рта. Увидав санитаров, она удивленно сказала: «О!» – и принялась хлопать в ладоши.

– Н-да, – картинно цокнул языком Верша. – Вижу как минимум пять кандидатов для психушки.

Не прекращая хлопать, пьяная тетка согласно мотнула головой.

– Точно!..

– Кто вызвал «неотложку»?

Зеваки искоса, настороженно поглядывали друг на друга. И молчали. Как будто связанные поручкой.

– Ну, ладно, а тварь-то где?

Стоявшие на тротуаре медленно, с неохотой вроде расступились.

– О дьявол!..

Верша вскинул автомат, целясь в голое, грязное человекообразное существо. С расцарапанными плечами и свалывшимися, будто кусок войлока, волосами. Существо сидело на корточках возле выкрашенной желтой краской кирпичной стены, упиралось согнутыми кистями рук в асфальт и хищно дергало губами, не то рыкнуть пытаясь, не то зубы скаля неумело.

– Гаст! – уверенно поставил диагноз Верша.

– Странный какой-то, – с сомнением поджал губы Игорь. – Неделанный...

– Незавершенная трансформация.

– А раны на плечах?

– Она, тварь эта, по асфальту каталась, – объяснил один из любителей ночного пива. – Вот и подрала шкуру-то.

Мужик-то мог и не в курсе быть, а вот чистильщики точно знали, что на теле сырца любые раны заживают быстрее, чем на пресловутой собаке. А мелкие ссадины и царапины, вроде тех, что украшали плечи присевшей на корточки и злобно шипящей твари, так и вовсе на глазах затягивались. Регенерация, жуть ее.

Позади гаста, у самой стены, лежала девушка. С растрепанными светлыми волосами, в прямой серой юбке, задранный выше колен, и белой порванной блузке. Открытые участки тела искушены в кровь. Волосы с куском кожи наполовину сорваны с головы и съехали на сторону, будто парик у пьянчуги. Ужасная рана на шее, из которой торчал кусок разорванной трахеи, не оставляла никаких надежд на то, что девушка могла быть еще жива. Неподалеку от нее, вжавшись спиной в стену, сидел парень в синих джинсах и черной майке без рукавов. Парень тоже был перемазан кровью, но, судя по всему, не своей. Во всяком случае, обильно кровоточащих ран на его теле заметно не было. Парень сидел, скорчившись, зажав голову локтями, и, видимо, пребывая в шоковом состоянии, даже не помышлял о бегстве. Хотя в подобной ситуации любая попытка бегства закончилась бы тем, что гаст напал бы на него со спины и либо свернул не в меру строптивой жертве шею, либо размозжил голову об асфальт. Кровожадности гастам было не занимать. Даже гуллы по сравнению с ними были в этом отношении куда более сдержанными.

– Ща, я пристрелю его. – Верша прицелился в тварь.

– Нет, постой.

В принципе, Верша был прав. Если бы рядом находились патрульные, можно было бы попытаться поймать гаста живым. Медики всегда рады живым особям. Особенно таким, как эта, – не до конца трансформировавшимся. Что за исследования проводили медики, санитарам знать не полагалось. В Гильдии так уж заведено – каждый занимался только своим делом. Хотя кем заведено? Когда? И, пожалуй, самое главное, с какой целью?.. Подобные вопросы задавать тоже не полагалось. Да и кому их задашь? Молчун, как полагал Игорь, знал не больше его

самого. Он идеально подходил для своей должности, потому что не задавал никаких вопросов и не говорил лишнего. Игорь полагал, что медики пытались разобраться с тем, что происходит в организме человека, когда он превращается в тварь. И, наверное, искали способ повернуть этот процесс вспять. Ну а чем еще они могли заниматься в своей лаборатории?.. Дело, несомненно, нужное. Однако ж пытаться взять живого гаста вдвоем – затейка за гранью безумия. Тварь придушит их, как котят. А потом еще и поглумится над телами. Любит гаст это дело. Ох как любит. Поэтому пристрелить его было самым правильным решением.

Однако что-то останавливало Игоря.

– Чего ждем-то?.. Когда он еще кого-нибудь загрызет?..

Игорь и сам не мог понять, почему он медлит. Но что-то с этим сырцом было не так. Определенно – не так... Хотя, с другой стороны, так или не так – какая разница? Гаст он и есть гаст. Прикончить – и делу конец.

Хищно разинув пасть с уже полностью трансформировавшимися звериными клыками, гаст бросился на размалеванную дамочку. Та, взвизгнув, шарахнулась назад и оступилась на бордюре. Пожилой мужчина в спортивном костюме с оттопыренными карманами хотел было ей помочь. Но закончилась эта неловкая попытка тем, что оба в обнимку завалились на асфальт.

– Глянь! – Парень в куртке с капюшоном радостно толкнул приятеля локтем в бок. – Брюлово!

О ком это он, подумал Игорь, о кувыркающей на асфальте парочке или о гасте?

Гаст, сделав два прыжка вперед, внезапно схватился руками за горло, как будто на нем захлестнулась невидимая петля. Изогнувшись в спине, гаст развернулся на пятках, попытался было подпрыгнуть, но упал неловко на бок и, повизгивая, будто побитый пес, пополз на прежнее место к стене.

Сидевший у стены парень, должно быть, решил, что тварь утратила бдительность. Вскочив на четвереньки, он решил дать деру.

Глупец!

Гаст настиг его одним прыжком, схватил за голень и дернул так, что парень грудью проехался по асфальту. А гаст тем временем впился зубами в его икру.

– Хоп!

– Стой!

Верша нажал на спусковой крючок.

Мозги гаста кровавым плевком разлетелись по стене.

Тварь тупо ткнулась лбом в асфальт.

Парень вырвал ногу из скрюченных, будто сведенных судорогой, пальцев сырца и, подывая, пополз куда-то.

– Эй! – щелкнув пальцами, Верша указал на наркоторговца с дипломатом. – Попридержи его!

Бадди Холли улыбнулся, пальцем поправил очки и поставил ногу ползущему парню на спину.

– Отцепись от меня, урод!

Размалеванная дамочка вlepила звонкую пощечину своему случайному кавалеру.

– Дура, – с тоской отвечивал тот.

Причиной тоски было не то, что робкие попытки мануального ухаживания были на корню пресечены, а то, что находившаяся в кармане штанов бутылка пива раскололась при падении. Теперь и пива не было, и штаны остались мокрыми. Все старания – впустую.

Верша поставил автомат на предохранитель и опустил ствол.

– Ну, теперь можешь сказать, что не так?

– Видел, как тварь перевернулась в воздухе?

– Ну, да. Его шоггот за горло держал.

- Не было шоггота.
- Как это – не было?
- Вот так. Не было и нет.
- Да ну тебя, Гибер! У тебя с недосыпу в башке свинец!
- Сам посмотри!

Игорь выдернул из нагрудного кармана Вершиной куртки красно-синие пластиковые очки. В таких очках дети волшебные трехмерные картинки рассматривают. И, как ни странно, через них можно углядеть гнездо шоггота. Другой вариант – расфокусировать зрение и смотреть не на предметы, а как бы за них. Но это не у каждого получается. Вот Верша, например, без очков не может ничего увидеть на псевдотрехмерной картинке. Хоть убей.

– Точно, нет гнезда, – убрав очки, Верша озадаченно посмотрел на напарника. – Откуда же тварь недоделанная?

Игорь непонимающе пожал плечами.

– Господа! – поднял руку Бадди Холли. – Мне его еще долго держать?

Он указал на парня, придавленного к мостовой.

– А что, устал уже? – недружелюбно глянул на потенциального наркоторговца Верша.

– Нет, но у меня свои дела...

– И что теперь?

Верша был явно настроен втянуть Бадди Холли в ссору.

Где-то очень далеко послышался вой патрульной сирены.

Собравшиеся поглазеть на тварь ночные гуляки занервничали. Встреча с патрулем явно не входила в планы ни одного из них.

Первой исчезла пьяная тетка. Она смоталась быстро и по-тихому. Следом за ней потопали к ларьку двое выпивох в спортивных костюмах. Возвращаться назад они, скорее всего, не собирались.

Игорь посмотрел на суетливо оглядывающихся парней и очкастого наркоторговца, от желания поскорее убраться едва не приплясывающего на спине у пострадавшего. И вдруг, широко улыбнувшись, раскинул руки в стороны:

– Всем спасибо! Все свободны!

И – никого не стало.

В какой-то момент Игорю подумалось, что даже мертвецы поднимутся и скроются в мерцающей разноцветными огнями ночи. Как в рекламе мороженого «Зомбушка».

– За что я люблю нашу работу, – пафосно изрек Верша. – Так это за то, что людям нравится смотреть на то, что мы делаем! – Он искоса глянул на Игоря и, непонятно с чего, вдруг подмигнул: – Кем займешься? Раненым или мертвыми?

– Раненым. – Игорь кинул автомат в кабину и с чемоданчиком первой помощи направился к лежащему на мостовой парню.

– А мне все равно! – ни к кому не обращаясь, Верша развел руками. – Да! Абсолютно все равно!.. Знаешь, Гибер, что я больше всего не люблю?

– Ночные дежурства. – Игорь поставил чемоданчик на тротуар и присел на корточки.

– Лицемерие! – вознес указательный палец к темным, безмолвным и абсолютно безразличным ко всему небесам Верша.

Игорь осторожно перевернул раненого на спину. Достал влажную антисептическую салфетку и быстро протер ему лицо и руки – от плеч и до кистей. Ран было не так уж много. И, пожалуй, самая неприятная – последняя. На икре, в которую вцепился зубами гаст.

– Это ты к чему?

– К тому, что мертвые не лицемерят.

Верша открыл свой чемоданчик, гораздо меньших размеров, чем у Игоря, достал из него самый обычный поршневой шприц и пару ампул. Действуя почти на автомате, чистильщик

вскрыл ампулы и пустил мертвому гасту по вене сначала двадцать кубов нитрата серебра, а затем – десять кубиков инсулина. Это было необходимой мерой предосторожности. После такого коктейля любая тварь, какой бы живучей она ни была, концы отдаст. Но вот то, что после инъекции инсулина у мертвого сырца не начались судороги, было нетипично. Настолько нетипично, что Верша озадаченно нахмурил брови и занялся тем, что изначально делать не соби-рался – приступил к тщательному осмотру тела. Собственно, в задачу «неотложки» входила только нейтрализация твари, консервация гнезда шоггота и оказание первой помощи пострадавшим. Все прочее было на совести медиков. Но поскольку отсутствие у твари реакции на инсулин оказалось уже второй странностью – первой было то, что рядом с ней не удалось обнару-жить гнездо шоггота, – Верша счел возможным, да просто-таки необходимым, превысить свои служебные полномочия. Тем более кто сказал, что санитар из «неотложки» не имеет права провести осмотр тела? Пусть он и не смыслит в этом ничего, но право-то имеет!

Сочно, сонно и странно...

Покусанный гастом парень открыл глаза и посмотрел на Игоря.

Станный у него был взгляд. Не испуганный, не умоляющий, не растерянный. И даже страдания в нем не было. Сначала Игорю показалось, что взгляд у парня рассеянный. Но потом он понял, что парень смотрит куда-то вдаль, по ту сторону предметов. Возможно, это было следствием эмоционального шока. Но все равно это было неправильно. Поэтому Игорь щелк-нул пальцами перед носом у пострадавшего.

– Я знаю, что вы здесь, – устало произнес парень, едва шевеля губами.

– Уже хорошо, – улыбнулся чистильщик. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально.

Парень оперся рукой об асфальт и сел. Попытался сложить ноги крестом, но сморщился от боли.

– Меня первый раз пытались съесть.

– Гасты не поедают тела своих жертв.

Игорь осмотрел место укуса на икре. Зубы вошли глубоко в мышцу. Но кровотечение был несильным. И, что самое странное, не было характерной припухлости и синеватого оттенка отечной кожи вокруг места укуса.

– Как тебя зовут?

– Меня?.. Семен Каламазов.

– Что ты ночью делал на улице?

– Так еще ж не поздно совсем...

– Я тебя не о том спросил.

– С девушкой встречался.

– А-а... Ну, и как?

– Что – как?

– Удачно?

– Смотря что вы под этим понимаете.

Чистильщик быстро обработал рану антисептиком, положил мазь с антибиотиком и закрыл рану марлевой повязкой.

– Еще укусы есть?

Семен показал место на шее. Там кожа была только слегка поцарапана клыками гаста. И снова – никаких признаков воспаления.

Достав пневмошприц, Игорь ввел парню сыворотку.

Семен болезненно поморщился и потер плечо.

– Да, больно, – кивнул Игорь. – Будет хуже. Температура поднимется под тридцать восемь. Может и бред случиться... Некоторые мочиться кровью начинают... Но в клинике за тобой присмотрят.

– В клинике? – Семен посмотрел на чистильщика, как на сумасшедшего. – Зачем?.. Со мной ведь все в порядке. Подумаешь, пара укусов...

Сказав это, он невольно покосился на труп девушки, лежавший в стороне так, будто про него все забыли.

– Тварь сначала на нее напала? – спросил Игорь.

– Да, – кивнул парень. – А я хотел помочь...

– Надеюсь, эта не та девушка...

– Нет. Я никогда прежде ее не видел.

– Да ты, как я погляжу, отчаянный парень! С голыми руками бросился на гаста!..

– Да нет... Я просто не понял сначала, что это сырец. Думал, псих какой-то... Он же голый был...

– Ну, все равно. Народу вокруг было полно, а помочь только ты решил.

– Все равно же... – Парень взглядом указал на труп девушки.

– Поступки, которые мы совершаем, далеко не всегда приводят к тем результатам, на которые мы рассчитываем. Но главное, что мы их все же совершаем. Иначе... – Игорь задумался. – Иначе бы в этом вообще не было смысла.

– В чем?

– В том, что мы делаем.

С истошным воем, мигая сине-зелеными огнями, из-за угла вылетел бронированный патрульный джип.

– Как всегда, вовремя, – усмехнулся Верша.

– Скажи спасибо, что вообще приехали.

– Кому? Господу Богу?

– Может, я пойду? – с надеждой посмотрел на чистильщика Семен. – Со мной все в порядке... Честно!

– Это ты врачу в клинике скажешь, – не глядя на парня, усмехнулся Верша.

– После укуса сырца тебя дня три корезить будет, – объяснил парню Игорь. – Хорошо, что мы оказались рядом и сыворотку вовремя ввели, пока не началась трансформация. Но все равно могут потребоваться дополнительные процедуры...

– Какие еще процедуры?

– Язык тебе укоротят, чтобы не болтал попусту, – снова вставил Верша. – Хочешь сам сырцом обернуться?

– Нет.

– Ну, так сиди и не петюкай.

Патрульный джип лихо тормознул возле бордюра.

Из машины красиво, как в кино, выпрыгнули четверо патрульных. Серая униформа, блестящие полушлемы с затененными пластиковыми забралами, автоматы в руках – любо-дорого поглядеть.

Стволы автоматов – ширь-ширь в разные стороны.

Где противник?..

Нет противника!

Что за дела?..

Патрульный с лейтенантской нашивкой на кармане указательным пальцем поднял забрало, ногтем большого пальца провел по коротеньким, аккуратно подстриженным усикам и недовольно на чистильщика поглядел.

– Ба! – Верша руки широко раскинул, будто брата родного встретил. – Кого я вижу! Лейтенант Ширшов! Собственной персоной!

– Ага, давно не виделись, – мрачно усмехнулся патрульный. – С прошлой ночи аж.

Странная у него была ухмылка. Казалось, эмоции выражала только левая половина лица. Правая же при этом оставалась невозмутимо спокойной, будто из камня вырубленной. Или, если смотреть в профиль, отчеканенной на монетном аверсе.

– Вы не любите свою работу, лейтенант Ширшов?

– Какая уж тут любовь, если я продаюсь за деньги.

Лейтенант профессиональным взглядом окинул место происшествия.

– Что тут у вас?

– Два трупа и один покусанный.

Лейтенант, не спеша, заложив руки за спину, прошелся от одного трупа к другому.

– Порядок?

– Ну, в общем, да. – Верша прищурился, как будто его слепил яркий свет. – Если не считать того, что в сырца стрелять должны были твои ребята.

– У тебя тоже неплохо получилось. – На левой половине лица Ширшова нарисовалась одобрительная ухмылка.

– Ну, раз я выполнил вашу работу, самое время и вам мне пособить.

– Да не проблема. Раз уже все равно приехали... Кого-то еще пристрелить нужно?

– Пристрелить – дело нехитрое. Нужно трупы в машину закинуть.

– Ты что, сдурел, Верша?

– А что? Твоим ребятам все равно заняться нечем. А нам с напарником нужно еще с сырцом разобраться. Так что начинайте с бабы. Мешки у задней дверцы, в синем контейнере.

Лейтенант повернулся к Игорю. Демонстративно.

– Что за проблемы с сырцом?

– Да жуть его знает, – озадаченно потер колючий подбородок чистильщик. – Нетипичный какой-то сырец.

– Нетипичный, говоришь? – Ширшов кивнул с пониманием – мол, да, и такое в жизни случается. В принципе, такое объяснение лейтенанта вполне устраивало. – Трупы в перевозку! – скомандовал он подчиненным. – Действуйте!

– Ты бы, в самом деле, взглянул на сырца, – предложил напарнику Верша. – Пока не убрали.

– Оно того стоит? – устало провел ладонью по лицу Игорь.

– По-моему, стоит. Нетипичный, как ты выразился, случай. Очень, между прочим, нетипичный.

Патрульные расстелили на асфальте мешок и стали старательно, но неумело укладывать в него мертвую девушку. Не имея навыка, с трупом справиться не так-то просто, как кажется. На самом деле, проще сопротивляющегося человека в мешок затолкать, чем мертвое, ко всему безучастное тело.

Ширшов вместе с Игорем подошел к мертвому сырцу – посмотреть. Так, на всякий случай. Может, будет потом о чем рассказать знакомым. Чистильщик присел на корточки. Патрульный остался стоять, убрав руки за спину – с него было довольно и верхнего обзора. Лейтенант Геннадий Ширшов не боялся покойников – какой бы он после этого был патрульный! – просто не любил. А потому по возможности старался держаться от них подальше.

– Эта тварь похожа на не закончившего трансформацию гаста.

Верша растопырил пятерню, согнул пальцы и кончики приложил к груди мертвого сырца. Глядел он при этом на напарника.

– По внешнему виду и по поведению – типичный гаст, – согласился Игорь.

– Вот! – указал на него пальцем Верша. – Именно что только по поведению! Во-первых, рядом нет шоггота. Во-вторых, у сырца не было никакой реакции на инсулин, который я ему ввел. В-третьих, – чистильщик взмахнул рукой, как официант, закончивший сервировку стола и приглашающий клиентов занять свои места, – на теле нет избыточной растительности. В-

четвертых... – Верша достал из кармана выкидной нож, нажал на кнопку и сделал надрез на предплечье сырца. – Видишь, ни малейших признаков регенерации. А ссадины на плечах даже и не думают затягиваться.

– В самом деле, странный экземпляр, – серьезно, со знанием дела высказал свое мнение патрульный.

И это были отнюдь не пустые слова. За четыре года службы в патруле лейтенант Ширшов прикончил столько тварей, что если бы все они, сговорившись, заявили вдруг среди ночи к нему в гости, в доме не хватило бы места, чтобы вместить всех желающих. Да и угощения для стольких гостей не нашлось бы. Так что лучше им было оставаться там, куда он их отправил.

– Это еще что! – хитро подмигнул Верша. – Смотрите и удивляйтесь!

Он двумя пальцами оттянул нижнюю челюсть мертвеца, засунул другую руку ему в рот и, поковырявшись малость, вытащил оттуда красивый, поблескивающий серебристым металлом бюгельный протез с огромными, похожими на автоматные пули клыками.

– Твердь твою, – тихо произнес Игорь.

– У парня были проблемы с зубами? – спросил Ширшов.

– Скорее уж с головой.

Игорь оттянул губу мертвеца и заглянул ему в рот. Как будто хотел убедиться, что новые клыки на месте тех, что вытащил Верша, не выросли.

– Имитатор?

– Похоже на то.

– Поэтому на теле пострадавшего нет характерных воспалений в местах укусов.

– Нужно еще труп осмотреть...

– Но когда гаст не смог допрыгнуть до той размалеванной бабы, я был уверен, что это шоггот его не пускает.

– Я тоже. Иначе бы не стал стрелять. Но шоггота рядом не было. – Верша развел руками разочарованно, а может быть, обиженно. – Вообще.

– А он должен быть? – спросил лейтенант.

– Вам что, не объясняли? – снизу вверх посмотрел на него чистильщик.

– Про что?

– Про то, откуда берутся сырцы? Про шогготов?

– Ну... – Ширшов сделал весьма неопределенный жест кистью руки – не то муху попытался поймать, не то показал, как лампочку нужно вворачивать. – В общих чертах.

– Ага, понятно, ну, тогда, лейтенант, ты и бойцов своих позови, им тоже полезно будет послушать.

Лейтенант сделал знак рукой, и патрульные, оставив мешок с трупом, подошли к нему.

– Гнездо шоггота может появиться где и когда угодно. Хоть в канализационном коллекторе, хоть в роскошном пентхаусе на крыше «Балчуга». Предсказать или как-то предугадать их появление невозможно. Но самое противное в них то, что для простого, нетренированного взгляда шогготы невидимы. Разглядеть этих тварей можно либо через специальную аппаратуру, – Верша с серьезным видом достал из кармана и продемонстрировал бойцам очки с разноцветными пластиковыми вставками, – либо научившись определенным образом расфокусировать взгляд.

Услышав такое, патрульные начали настороженно оглядываться вокруг.

– Без паники, братцы! Можете довериться специалистам. Сейчас шогготов поблизости нет.

– А откуда они вообще берутся? – спросил один из парней с автоматом.

– Честно? – хитро прищурился Верша.

– Хотелось бы.

– Ну, если честно, то этого никто не знает. Как говорится, на сей счет существует множество теорий, ни одна из которых не способна до конца и полностью объяснить феноменологическую природу шогготов.

Верша с чрезвычайно серьезным видом заложил руки за спину и, опустив голову вроде как в задумчивости, прошелся вдоль трупа ненастоящего, как выяснилось, сырца. Чувствовал себя он при этом не иначе как профессором, объясняющим студентам основы дисциплины, без которой в дальнейшем им нечего и мечтать о Нобелевской премии.

– А что они собой представляют, шогготы эти?

– Хороший вопрос! – Внезапно остановившись, Верша направил указательный палец на задавшего вопрос патрульного. – Очень хороший вопрос! И что бы вы сами на него ответили?

Игорь посмотрел на лейтенанта, и, дабы обозначить свое отношение к актерским способностям Верши, закатил глаза и едва заметно головой качнул. Но Ширшов не обратил на это внимания. Он, как и рядовые патрульные, с неподдельным интересом слушал выступление санитаря. Должно быть, они действительно почти ничего не знали о том, с чем им каждый день приходилось сталкиваться на улицах города. Так же как и большинство жителей города. Представители власти, первыми сбежавшие из зараженной столицы и, по слухам, обосновавшиеся теперь в Новгороде, считали, видимо, что население следует держать в неведении о подлинной причине и масштабах случившейся катастрофы. Ну, как обычно – во избежание панических настроений. Должно быть, они всерьез полагали, что человек, узнавший истину про шогготов, должен немедленно найти какой-нибудь простой и эффективный способ продырявить себе голову. Как же тогда быть патрульным, санитарам и локализаторам, которым изо дня в день приходилось давить этих тварей? И почему тогда они сами, в смысле, не твари, а члены правительства, принявшие столь мудрое решение, следовательно, обладающие всей полнотой знаний о происходящем в столице и других зараженных городах, до сих пор живы?

Хотя, если подумать, ну, а что толку в том, что живы? Кого это нынче, кроме них самих, волнует? А может, они и сами ни черта не знали о том, что случилось? Потому и сбежали, предоставив чистильщикам свободу действий и всю полноту власти? А впрочем, кому она, трель ее, нужна, власть такая? По результатам опроса жителей Москвы, проведенного незадолго до Исхода, выяснилось, что большинство жителей столицы хотели бы видеть на посту президента Гендальфа, а мэра – Фродо Беггинса. После такого Горлумам во власти оставалось только удавиться. Или свалить куда подальше, прихватив все свои прелести. Что они и сделали.

– Шогготы – твари! – четко, как на смотре, доложил один из ребят. – Их следует уничтожать!

– Верно, – кивнул одобрительно Верша. – Только ведь это ничего не объясняет.

Не зная, что еще сказать, патрульные неловко замялись. Начали переступать с ноги на ногу, проверять затворы автоматов.

– Ну?.. Я жду ответа!

Верша был настолько убедителен в роли строгого, брюзгливого преподавателя, что лишь затемненные забрала шлемов освобождали патрульных от необходимости пристыженно отводить взгляды в сторону.

– Шогготы превращают людей в сырцов, – не очень уверенно произнес лейтенант. – Я где-то слышал об этом, – быстро добавил он, увидев, как недовольно поморщился Верша.

– Ближе к теме, но все равно не то. – Чистильщик с досадой хлопнул себя по колену. – Сами по себе шогготы никого ни во что не превращают. Они являются своего рода биопроводниками, через которые осуществляется воздействие, вызывающее трансформацию биологических объектов. Понятно?

– Нет, – честно признался один из патрульных.

Остальные, включая лейтенанта, были с ним согласны.

Пока Верша рассказывал патрульным про то, о чем и сам имел весьма поверхностное представление – а, спрашивается, кто вообще знал что-то определенное про шогготов? – Игорь раскрыл мешок, в который ребята успели упаковать труп девушки. Тело погибшей было покрыто множеством рваных ран и глубоких укусов. Клыки на бюгеле, что вынул Верша из рта псевдогаста, идеально совпадали со следами от зубов. Однако на теле жертвы не было ни малейших признаков воспаления, характерного для ран, нанесенных сырцом. Причиной же смерти стала рана на шее, вызвавшая массивное кровотечение вследствие разрыва сонной артерии, и раздавленная трахея. Если бы они прибыли чуть раньше, девушку, возможно, удалось бы спасти.

– С телом и разумом человека, вступившего в вольный или невольный контакт с шогготом, – продолжал между тем Верша, – происходит аномальная трансформация. Почему аномальная, спросите вы? Да потому, что ее невозможно объяснить, оперируя доступными нам знаниями. Если тигр, напавший на человека, откусывает ему руку – это понятно. Шоггот же как будто меняет всю программу, заложенную в человеке природой.

– На генетическом уровне, – решил блеснуть знаниями патрульный.

– Не угадал, – тут же осадил его Верша. – На генетическом уровне только рак случается. Под воздействием шоггота человек как бы перемещается в иную плоскость реальности. В иное измерение, если хотите. Он начинает видеть, слышать и чувствовать по-другому, не так, как мы. Поэтому он не понимает, что с ним происходит. Отсюда его агрессивность. Кто знает, быть может, мы представляемся сырцу такими же чудовищами, как и он нам. Более того! Когда трансформация сырца завершится и он окончательно сформируется как гаст или гулл, а может, и еще в какую тварь превратится, он сам становится источником аномальной активности. Он изменяет мир вокруг, приспособливает его под себя. Делает его комфортным для своего существования, но агрессивным для человека. И человеку, для того чтобы стать сырцом, совсем необязательно оказаться укушенным гастом или гуллом. Достаточно какое-то время побыть с ним рядом. Но воздействие на физическом уровне, конечно же, значительно ускоряет процесс.

– Значит, если все станут сырцами...

– Точно! – щелкнув пальцами, указал на догадливого паренька Верша. – Мир станет другим. Как вывернутый наизнанку носок. И это, между прочим, подтверждает старую мысль о том, что разум способен управлять реальностью, делать ее иной.

– И с этим никак невозможно бороться?

– С чем именно?

– Ну, с теми же шогготами...

– А мы, по-твоему, чем сейчас занимаемся?

– Я имел в виду так, чтобы разом, – патрульный рубанул рукой воздух. – Под корень!

– Ну, не знаю даже, – с озадаченным видом почесал щеку Верша. – Чтобы вот так, разом... У меня лично на сей счет никаких замечательных соображений нет. Они ведь, сволочи, постоянно изо всех щелей лезут... То есть щели – это образное выражение. А откуда именно – черт их знает.

– Все дело в том, – решил внести некоторую ясность Игорь, – что мы понятия не имеем, что представляют собой шогготы. Кто они? Живые существа, растения или что-то вроде технического устройства? Есть даже предположение, что они вообще не материальные объекты, а некие образы, генерируемые сознанием кого-то, кто сам находится за пределами нашей реальности. Или, может быть, правильнее будет сказать, за границей наших представлений о мире. Нечто вроде материализованных мысленных образов.

– Как-то все это очень путано, – смущенно покачал головой Ширшов. – Неопределенно.

– А истина, лейтенант, она никогда не бывает однозначной.

Игорь полагал, что его замечание примирит лейтенанта с неопределенностью, но, похоже, оно лишь повергло патрульного в еще большее замешательство.

– Ну, хорошо, шогготы – это...

Ширшов покрутил рукой, словно нитку на палец наматывал. И посмотрел на подчиненных, надеясь, что кто-то из них сможет развить в правильном направлении его не до конца сформировавшуюся мысль.

– Это – потусторонние твари! – браво выдал один из патрульных.

– Именно так, – подумав секунду-другую, согласился лейтенант. – А это кто? – кивнул он на труп псевдогаста.

Чистильщики переглянулись.

– Имитатор, – сказал Игорь.

– Псих, – добавил Верша.

– Больной человек, – уточнил Игорь.

– Ага. – Лейтенант потер двумя пальцами подбородок, выбритый настолько чисто и гладко, что можно было подумать, на нем вообще никогда не росли волосы. – И какого же тюна вы пристрелили этого больного человека?

– Этот больной загрыз девчонку! – Верша указал на труп в мешке.

– Да и выглядит он как сырец.

Наклонив голову, лейтенант посмотрел на застреленного чистильщиками безумца.

– Я вообще-то не спец по сырцам. Черт их знает, как они должны выглядеть.

– Если бы на тебя кинулся урод с безумно вытаращенными глазами и вот такими клыками, – Верша сунул лейтенанту под нос зубной протез имитатора, – ты как, выстрелил бы?

Ширшов потрогал кончиком пальца клык.

– Пожалуй.

– Вот и я выстрелил. – Верша сунул бюгель покойнику в рот и легонько стукнул его по нижней челюсти, чтобы все встало на свои места. – И стрелял я не в человека, а в гаста... Давай, лейтенант, организуй ребят, пусть покойников в машину закидывают. Наше дело – собрать трупы и доставить пострадавших в клинику. С остальным специалисты разбираться будут.

Ширшов жестом велел патрульным продолжать работу.

– А откуда названия такие взялись? – поинтересовался лейтенант, проводя взглядом черный мешок, в который уложили тело псевдогаста. – Шоггот, гаст, гулл?.. Как-то не по-нашему звучит. Нельзя было чего попроще придумать?.. Ну, вроде там упырь, оборотень?..

– Терминология взята из лавкрафтовской мифологии, – ответил Игорь.

– Из какой мифологии? – переспросил Ширшов.

– Говард Филипс Лавкрафт. Американский писатель прошлого века. В своих произведениях разрабатывал довольно стройную картину мира, населенного всевозможными тварями. Наши твари к тем, что описывал Лавкрафт, никакого отношения не имеют. Но названия оказались кстати.

– Надо же, – удивленно качнул головой лейтенант, никогда даже не слышавший о писателе с именем, таким же странным, как и названия его персонажей. – И кто же это придумал?.. Мне бы такое даже в голову не пришло.

– Киуры, – сказал Верша. – Старшие посвященные Гильдии чистильщиков.

Ширшов усмехнулся, давая понять, что оценил шутку.

– А что смешного? – непонимающе посмотрел на него Верша.

– Вы с напарником небось тоже члены Гильдии?

– Конечно. Мы же на нее работаем.

– А на папу римского ты, часом, не работаешь?

Верша взялся за заднюю дверцу «неотложки» и удивленно посмотрел на лейтенанта.

– Лейтенант Ширшов, я не понимаю причину вашего телячьего восторга!

– Знаешь, Верша, я уже столько наслушался про Гильдию чистильщиков, – лейтенант, казалось, едва сдерживался, чтобы не рассмеяться в полный голос, – что в пору, наверное,

самому объявить себя ее членом. С тех пор, как начался весь этот кавардак, все только и делают, что по поводу и без повода ссылаются на Гильдию. Гильдия всем управляет, Гильдия за всем следит, Гильдия все контролирует. Если бы Гильдии не было, ее бы непременно стоило придумать. Только знаешь в чем весь фокус, Верша? В том, что ее действительно придумали!

– Кто?

– Власть, которая больше ничего не контролирует и ни за что не хочет отвечать. Но при этом не желает терять своих привилегий. Теперь за все отвечает Гильдия – с нее и весь спрос. Гильдия – это всего лишь новое олицетворение старой власти. Раньше был президент, которого мы лишь по телевизору видели, теперь есть Гильдия чистильщиков, о которой известно лишь то, что она есть. И спорить с этим бесполезно. Доказать существование Гильдии невозможно точно так же, как невозможно его опровергнуть. Гильдия – это власть и Бог в одном лице.

Игорь подошел к угрюмо сидевшему на бордюре парню и тронул его за плечо.

– Поехали.

– Надолго? – Не поднимая головы, парень угрюмо смотрел в асфальт.

– Три-четыре дня... Если все в порядке.

– А если нет?

– Слушай, что ты беспокоишься? Сырец, как выяснилось, был ненастоящий. И шоггота поблизости нет.

– Точно? – как-то странно, недоверчиво, что ли, глянул на чистильщика Семен.

– Точно, – уверенно кивнул Игорь.

Верша захлопнул задние дверцы «неотложки» и в знак благодарности кивнул загружившим машину патрульным.

– А кому ты служишь, лейтенант Ширшов?

– Как это кому? – растерялся патрульный, явно не ожидавший такого вопроса в ответ на свою пространную реплику о сути государственной власти в новых условиях.

– Государству или Богу?.. Ну, раз уж они в одном лице?.. Или ты не делаешь между ними различия?.. Ты, лейтенант, вообще-то человек верующий?.. Или – как?..

– Скорее или как, – подумав, сказал Ширшов.

– Вот это хорошо, – улыбнулся Верша.

Семен вдруг обхватил голову руками и стал медленно, мерно раскачиваться из стороны в сторону, тихо подвывая, как от зубной боли.

– Эй, ты чего? – тронул его за плечо Игорь.

– Там... – кивнул парень.

– Что – там?

– У патрульного под ногами...

– Ты это о чем? – непонимающе сдвинул брови Игорь.

– Да вон же... – Парень вяло, с неохотой как будто, снова кивнул в сторону стоявшего в двух шагах от них лейтенанта Ширшова. – Слизь какая-то у него под ногами... Копошится...

Игорь быстро закрыл глаза и протер веки согнутыми пальцами. Медленно сосчитал до четырех. Открыл глаза и направил взор не на лейтенанта, а дальше, гораздо дальше, почти в бесконечность. Контуры предметов и людей, оказавшихся в поле зрения чистильщика, сделались неопределенно-расплывчатыми. И тогда он медленно, стараясь ни за что не зацепиться, опустил взгляд.

– Верша!..

Закричал он так, что напарник вздрогнул.

– Да что б тебя в прах!.. Совсем обалдел, Гибер!..

Под ногами у Ширшова растекалась лужа полупрозрачной слизи, из которой вверх и в стороны тянулись извивающиеся, подобно щупальцам, выросты. Три или четыре щупальца, обвиваясь, будто гигантские змеи, опутывали ноги лейтенанта, а одно из них забралось уже

выше колена. С краю два щупальца зависли, чуть приподнявшись над асфальтом, явно примеряясь, как бы дотянуться до Верши. Если заставить себя видеть только обросшую щупальцами студнеобразную массу и больше ничего вокруг, то можно заметить, как внутри нее тихонько, приглушенно мерцают крошечные серебристые искорки. Красиво. Как будто звезды далекой, чужой, незнакомой галактики.

– Уходи, Верша!.. Назад!.. Шоггот!..

На «шоггота» Верша среагировал мгновенно – чай, не первый день в «неотложке». И ведь надо же – перед тем, как назад отпрыгнуть, успел еще и лейтенанта толкнуть. Да только толку от этого никакого – ухватившись за человека, шоггот просто так уже не отцепится.

– Где?.. – Верша вытаращил глаза на Игоря. Как безумный. – Где шоггот?.. – и, выдернув из кармана двухцветные очки, сначала посмотрел себе под ноги.

– Да что происходит?.. – растягивая слова, совсем не по-командирски, но пока еще не слишком испуганно закричал лейтенант.

– Стоять! – рявкнул, как положено, на кинувшихся было к командиру на выручку патрульных Верша. – Стоять, иначе все передохнете!

То ли голос у чистильщика был соответствующим, то ли мысль о смерти как-то совсем не вдохновляла на подвиги. Бойцы остановились. Точно ноги их в расплавленный асфальт влипли. Автоматы наготове. Стволы по сторонам – ширь-ширь. Да только что от них толку.

Хорошая штука – шлем с затемненным забралом. Можно не беспокоиться о том, что кто-то увидит, какое дурацкое у тебя выражение лица. А в том, что лица патрульных были сейчас похожи на древнегреческие маски Комедии и Трагедии, разбитые на осколки и неумело собранные археологом-любителем, Игорь не сомневался. Он видел лица людей, оказавшихся в подобной ситуации. Они понимали, а может быть, и чувствовали каким-то сверхъестественным образом, что где-то рядом, совсем близко от них притаилась смерть. И это было не просто страшно, а жутко. Как остаться в темной комнате со скользким каменным полом и мокрыми стенами, зная, что вокруг кишат ядовитые змеи и пауки. Жутко до рвотных спазмов и звона в ушах. В то же время они не видели, не ощущали физической никакой угрозы вокруг. И это было странно. Это вызывало растерянность и недоумение. Как человек, проходящий сквозь стену. Жуткий страх, помноженный на хрусткую растерянность, искажал лица не хуже, чем мучительная боль. Такие лица старались прятать. Чтобы никто не увидел. Не узнал. Даже не вспомнил никогда.

Переход...

– Ах ты студень с киселем! – не то выругался, не то запричитал Верша, глянув сквозь очки лейтенанту под ноги.

Ширшов подпрыгнул, по-козлиному взбрыкнув ногами. Как будто кто пятки ему щекотать принялся. Или раскаленное железо прикладывал. Должно быть, так или примерно так отплясывала мачеха Белоснежки, когда на нее надели раскаленные докрасна железные туфли, непонятно с чего вдруг подумал Игорь.

– Стой на месте, лейтенант! Стой, не двигайся!

– Да, чтоб вас всех!..

Лейтенант стиснул зубы, сжал пальцы в кулаки и чуть приподнялся на цыпочки. Кажется, вот сейчас он сорвется с места и кинется... Куда? Ну, в общем, куда-нибудь непременно кинется. Может быть, в бой, а может, в бега. Человек похож на маятник, находящийся в положении неустойчивого равновесия. На то, в какую сторону он качнется, влияют одновременно множество факторов, каждый из которых в отдельности настолько незначителен, что в иной ситуации его не стоило бы даже брать в расчет. Но сейчас все могло оказаться в зависимости от траектории полета пылинки. Или от взмаха бабочкиного крыла. А может, и от того, что увидела во сне девочка Аня, живущая на восьмом этаже двенадцатиэтажного дома, в котором есть зоомагазин и ларек «Pirat Bay».

– Стой на месте, лейтенант! Стой! Или хуже будет!

Очень хорошая, просто замечательная угроза. Эффективна всегда и при любых обстоятельствах. Скажите, вы хотите, чтобы вам стало хуже? Вряд ли вы ответите утвердительно, даже если в данный момент вам очень хорошо. Ну а если вам плохо, неужели вы пожелаете, чтобы стало еще хуже? Да можно ли вообще вообразить такую ситуацию, в которой хуже быть уже не может? Всегда, в любых условиях, при любых обстоятельствах человек надеется на лучшее. Даже если петля уже затянута на шее, ноги в пустоте болтаются и слышно, как шейные позвонки хрустят, ломаются.

Ширшов замер, прислушиваясь к самому себе, к своим ощущениям. Как человек, впервые почувствовавший укол в сердце.

Может быть, показалось?.. Может, и не случилось ничего?.. Может, все обойдется?..

Да нет, приятель, уже не обойдется. Прижало тебя всерьез, и времени у тебя в обрез.

Никогда не задумывался о том, сколько стоит человеческая жизнь?.. Нет, не твоя именно. А так, вообще – абстрактная?.. Вот у древних египтян Осирис, или кто-то там еще, взвешивал души людские на весах. Как мясник потроха в лавке. Какой-никакой, а все же способ объективной оценки значимости того или иного субъекта. Конкретного представителя рода людского.

– Мужики... – Лицо у лейтенанта Ширшова скривилось, сморщилось, на сторону поехало. Как будто он сливу неспелую раскусил. Или вдруг понял, как жалко ему себя, родного. – Верша... – Он быстро провел сухим языком по губам. – Гибер... Жуть твою!.. Ну, скажите же наконец, что за жесь?.. А?.. Мужики?.. Иль вы дуркуете?..

Верша показал лейтенанту палец – стой, мол, и не шебуршись, – и, как пенсне, нацепив на нос двухцветные очки, еще раз внимательно осмотрел прилипшего к лейтенанту шоггота.

Желеобразная тварь уже не пускала щупальца по сторонам, а старательно затягивала лейтенанта в студенистый кокон. Глядя на него, Верша вспомнил, как, впервые увидав такое, он попытался сжечь шоггота оказавшейся под рукой паяльной лампой. Вот тогда-то он и убедился воочию, что на самом деле шоггота не существует. Вернее, его не было на том уровне реальности, на котором обосновалось синеватое пламя, вырывающееся из сопла горелки, что держал в руках Верша. Пламя – отдельно, шоггот – сам по себе. Они не существовали друг для друга. И то, что человек видел шоггота, ровным счетом ничего не значило. Ни для него самого, ни для твари. Шоггот ведь тоже ощущал его на каком-то уровне доступной ему реальности. Вот только кем был для него человек? Добычей, жертвой, объектом, подлежащим немедленной трансформации?.. Может быть, он видел в нем врага? Такую же тварь, какой сам представлялся человеку?.. Об этом лучше было не думать. Всякий раз, когда Верша пытался представить себя на месте шоггота, он чувствовал, как в голове у него все начинает куда-то плыть. Мысли и образы, заполняющие сознание, приобретали странный, размазанный вид. А само сознание становилось похожим на молочную реку, в которую дурак, стоящий на холме, выливал одно за другим ведерки с яркими, чистыми красками. Это было невообразимо красиво и настолько же лишено какого бы то ни было смысла.

Верша хмыкнул многозначительно, спрятал очки в карман, помял пальцами подбородок и озадаченно посмотрел на Игоря:

– Что скажешь, Гибер?

– Неприятная ситуация.

– Это я уже понял. Что делать будем?

– Геннадий, – Игорь впервые обратился к лейтенанту по имени. Доверительно. И, когда тот посмотрел на него, показал пневмоинъектор, – сможешь сам укол себе сделать?

– Не знаю... Наверное... Да что со мной?!

– Ты только не суетись, – сделал успокаивающий жест Верша.

– Да я спокоен!

– Точно?

- Точно!
- Сними шлем.
- Зачем?
- Не спрашивай, а делай, что тебе говорят!
- Жесть твою!..

Ширшов щелкнул зажимом, сорвал шлем с головы и метнул его в Вершу. Санитар был к этому готов и легко увернулся.

- Теперь сосчитай до десяти.
- Зачем?
- Тебе что, трудно?
- Нет...
- Ну, так считай.
- Один, два, три, четыре...
- Медленно считай! Сначала!
- Один... Два... Три...

Игорь вставил в рукоятку пневмошприца картридж с сывороткой.

- Четыре... Пять... Шесть...

Верша приоткрыл заднюю дверцу фургона и жестом подозвал к себе патрульных.

- Семь... Восемь...

Двоим он вручил широкое асбестовое одеяло. Третьему показал проволочную петлю, закрепленную на длинном шесте. Как для отлова собак.

- Девять... Десять!
- Теперь сделай три глубоких вдоха.

Ширшов поначалу стиснул зубы – подумал, что над ним издеваются. Но тут же решил, а черт с ними, сделаю все, что велют. А уж потом!.. Лейтенант вдохнул так глубоко, что даже голова закружилась и глаза сами собой начали закрываться.

- Ага, повело его, – кивнул напарнику Верша.
- Куда? – прорвавшись сквозь полудремотное оцепенение, спросил Ширшов.
- Дело в следующем, лейтенант. – Верша в растерянности как бы или в нерешительности

малость поскреб щеку, подцепил ногтями торчащий волосок, дернул и сморщился от боли. – В общем, тебя шоггот за ноги схватил.

– Кто? – Ширшов растерянно посмотрел себе под ноги и, дело ясное, ничего там не увидел. Уголки губ его обиженно, но вместе с тем и угрожающе поползли вниз. – Ты что, издеваешься, опоссум?..

- Естественно, сам ты ничего не видишь...
- Естественно?..

– И пока ничего не чувствуешь. Кроме легкого головокружения и странной усталости. Спать ведь хочется? Как будто три дня не спал?..

- Мне уже третий день спать хочется!
- Но не так, как сейчас?

– Нет, – лейтенант быстро-быстро замотал головой. – В смысле, ничего необычного я не чувствую!

– А когда почувствуешь, тогда поздно будет, – сказал Игорь. – Тогда ты уже сырцом станешь. И нам, то есть твоим ребятам, – он кивнул на патрульных, – придется тебя пристрелить. Устраивает такой вариант?

Ширшов снова уставился вниз.

- Жуть твою...

Он наклонил голову сначала в одну сторону, потом – в другую.

- Я ни рожна не вижу!..

Он похлопал себя ладонью по бедру. И только Игорь увидел, как вязкая полупрозрачная слизь потянулась за его ладонью.

Только он один?..

Продолжая наблюдать за лейтенантом, чистильщик искоса глянул на то место, где минуту назад на бордюре сидел парень, назвавшийся Семеном.

– Да что б тебя в прах! – в отчаянии всплеснул он руками.

– Ну?.. – уставился на него Верша, верно решив, что подобное восклицание могло означать лишь еще одну гадость, явившуюся откуда не ждали.

– Парень сбежал! – указал на пустой бордюр Игорь. – Которого имитатор покусал!

– Ну и прах с ним, – безразлично махнул рукой Верша. – Сырцом он не станет. А ежели какую другую заразу подцепил – так то не наша, а его забота. Дураку свои мозги в башку не вложишь. Да и жалко, честно сказать... А, да ладно! – Верша еще раз, для убедительности, махнул рукой. – Что, это первый в жизни Буратино, которого мы встретили?.. Давай решать, как Генку вытаскивать.

– А в чем проблема? – осторожно поинтересовался Ширшов. – Я вроде бы и сам могу...

– Не можешь! – резко обрубил его речь Верша. – Понял?.. Сам ты сейчас ничего уже не можешь!

– Разве?.. – не спросил, а едва слышно промямлил лейтенант.

Все, понял Игорь, Ширшов израсходовал весь свой боевой запал. Но в данной ситуации это было хорошо. Чем меньше инициативы будет проявлять лейтенант, тем больше шансов на спасение у него останется. Чтобы вбить последний гвоздь, можно бы спросить, хочет ли он жить. Но, пожалуй, это уже будет слишком.

– Геннадий, посмотри, пожалуйста, сюда. Внимательно. – Игорь показал патрульному пневмошприц. – Сначала надо прижать жало пневмошприца к любому открытому участку кожи. Удобнее всего – в предплечье левой руки. Если ты, конечно, не левша. Когда прижал – плотно, но не сильно, – нажимаешь вот эту красную клавишу. И – все. Ты даже укола не почувствуешь. Понятно?

– А что в шприце?

– Сыворотка.

– Для чего?.. Или – от чего?

– Это особый состав, – терпеливо принялся объяснять Игорь, – который стабилизирует твое состояние и не позволит начавшимся в тебе изменениям зайти слишком далеко.

– Я ничего не понял, – затряс головой Ширшов. – Что именно вы собираетесь стабилизировать?

– Слушай, если ты будешь продолжать выяснять, что да как, то и стабилизировать будет нечего. – В своей обычной манере Верша объяснял все коротко и ясно. Хотя конкретики ему определенно не хватало. – Ты хочешь превратиться в сырца? Ну, так имей в виду, ты уже на полпути к этому. А может, и дальше!

– Давай шприц! – Ширшов протянул руку.

– Лови!

Не приближаясь, Игорь кинул лейтенанту шприц.

Ширшов поймал его и перехватил правой рукой.

Верша жестом велел патрульным быть настороже.

Ширшов до локтя отдернул левый рукав.

Вот сейчас-то оно и начнется. Самое что ни на есть веселье.

Лейтенант прижал жало шприца к коже, секунду помедлил и надавил клавишу активации.

В наступившей вдруг тишине слышно было, как прошипела плотная, тонкая струйка воздуха, пробившая капсулу с лекарством и вдавившая сыворотку лейтенанту под кожу.

Двое парней лет двадцати остановились за спиной у Верши. Оба высокие, худощавые. Одеты в кожаные шорты и жилетки. Длинные темные волосы у обоих заплетены в тоненькие косички с вплетенными в них разноцветными светящимися нитями. Мода нынешнего лета. Суровая, как приказ об отступлении из захваченного неприятелем города.

– Эй, а что тут у вас? – спросил один из парней у Верши.

– Рыбу удим, – не оборачиваясь, ответил чистильщик.

– Какую еще рыбу? – вполне серьезно удивился парень.

– Большую, крупную... – Верша подумал и добавил: – С красными плавниками.

– А какой в этом смысл? – спросил другой парень.

Вот ведь как завернул! Ни зачем, ни почему, а какой в этом смысл? Как будто в этой жизни вообще хоть в чем-то можно было обнаружить пусть хотя бы крупицу смысла. Даже до Исхода смысла не было ни в чем и нигде. А уж после него само по себе слово «смысл» утратило какую-либо конкретику и определенность. Нынче каждый мог понимать под ним все, что заблагорассудится. Вот, скажем, что имел в виду, говоря о смысле, парень со светящимися нитками в волосах?

Однако Верша тоже не особенно задумывался над проблемой поиска смысла, а потому ответил красиво и быстро:

– Мы к жертвоприношению готовимся.

Услыхав такое, оба случайных прохожих оживились. Со времен Исхода дикие, первобытные культы оттянули на себя большую часть оставшихся в городе душ. А попы, вместо того чтобы бороться, значит, за эти самые души людские, едва ли не первыми рванули из зачумленной Первопрестольной.

– Кому жертва-то?

– Знамо дело кому – Ктулху Великому! Да пребудет он вечно в славе и почестях!

– Так вы из Общества Ктулху!

– Мы из Гильдии чистильщиков! Йог твою Сатот!

Ребята в кожаных шортах настороженно переглянулись.

– А где рыба?

– Какая еще рыба? – не понял Верша.

– Ну, вы же рыбу будете в жертву приносить?..

– Рыбу сам жуй! – презрительно сплюнул Верша. – Ктулху только человеческие жертвы признает!.. Вот! Гляди! Начинается!

Лейтенант Ширшов выронил пневмошприц, прижал руку, в которую ввел сыворотку, к животу и согнулся в поясе, как будто у него началась кишечная колика. Лейтенант наклонился все ниже, и в какой-то момент наблюдавшим за ним показалось, что он вот-вот уткнется лбом в асфальт. Но неожиданно тело лейтенанта распрямилось. Столь стремительно, как будто внутри у него сработала потайная пружина. Он откинулся назад, запрокинул голову, вскинул вверх сжатую в кулак руку с пульсирующими венами и закричал в темные, пустые и бесчувственные небеса. Это был странный, ни на что не похожий крик, без начала и конца, тянувшийся на одной ноте и рвущийся, кажется, в бесконечность. Это был не крик безумца, чье тело разрывала на части боль – то был крик человека разумного, пришедшего в ужас от понимания того, что с ним еще только должно произойти.

Один из парней двумя пальцам взял приятеля за локоток, очень тихо прошептал:

– Пойдем отсюда.

И они начали осторожно пятиться, стараясь незаметно, неслышно отойти подальше. Уйти, раствориться во мраке. Они не понимали, что тут происходит, между фургоном с зеленым крестом и бронированным патрульным джипом, но, черт возьми, они точно знали, что не хотят принимать в этом участия!

Верша приметил, что ребята решили потихонечку убраться от чужих грешков подальше. Но ему сейчас было не до них. Начиналось действие, в котором ему была отведена едва ли не самая главная роль.

Крик лейтенанта оборвался в тот момент, когда никто этого не ждал. Вскинутая к небу рука упала вниз. Тело Ширшова дернулось в одну сторону. Будто марионетка, которую потянули за нить. Затем – в другую. Совершенно немислимым образом лейтенант завел руку за спину и схватил себя сзади за шею.

И – покатило.

Лейтенант раскинул руки в стороны, и тело его затряслось, будто через него пропустили высоковольтный разряд тока. Разве что только глаза не светились, как лампочки, и икры из ушей не сыпались.

Верша взмахнул шестом, накинул проволочную петлю лейтенанту на шею и рывком повалил его на мостовую.

– Давай!

Вместе со стоявшим рядом патрульным они ухватились за шест и поволокли лейтенанта на другую сторону дороги, подальше от шогготова гнезда. Лейтенант рычал, сучил ногами, но руки у него были заняты – чтобы не оказаться удушенным проволочной петлей, ему приходилось держаться за основание шеста, на котором она крепилась. На это и был весь расчет. Иначе с сырцом не совладать. Живьем он, тварь, в руки, как правило, не дается.

– Ну, чего ждете! – вскинув голову, заорал на двух других патрульных Верша.

Растянув края асбестового покрывала, парни накинули его лейтенанту на ноги и, упав сверху, придавили дергающееся и извивающееся тело к асфальту.

Игорь ткнул в шею лейтенанту жало пневмошприца и нажал клавишу. Затем быстро сменил картридж и сделал еще одну инъекцию. Тройная доза сыворотки и лошадиная порция транквилизатора. Если и это не успокоит Ширшова, останется только вырубить его передозом инсулина. Кома – это такая штука, из которой, как из болота, сам не выберешься.

– С-суки... – глядя в небо, сдавленно прохрипел Ширшов.

– Ага, – кивнул Верша. – Ты нам потом еще спасибо скажешь, конечно. – Чистильщик толкнул локтем патрульного: – Держишь?

– Держу, – кивнул тот.

– Хорошо держишь?.. Крепко?

– Крепко.

– Ладно, давай держи. Выпустишь – он тебе первому голову свернет.

Патрульный это понимал. И к порученному заданию отнесся со всей ответственностью – натянул петлю так, что у Ширшова глаза закатились и язык изо рта вывалился.

– Эй, потише! Не усердствуй! – осадил парня Игорь. – А то, не ровен час, удавишь командира-то!

Верша распахнул заднюю дверцу фургона «неотложки». И оттуда на него, рыча и скаля зубы, вывалилась искусанная имитатором девица. Которую все, между прочим, считали упокоившейся если не с миром, то по необходимости, и, уж точно, всерьез и надолго. Верша, никак не ожидавший столь пакостного поворота событий, на миг растерялся. А нахальная девица схватила его за плечи, потянула к себе и щелкнула зубами в опасной близости от сонной артерии чистильщика. Услышав этот сухой щелчок, Верша в момент пришел в себя и со всей силы врезал девице кулаком в левую скулу. Та только головой тряхнула и посмотрела на Вершу весьма недобрый взглядом. Классический сырец, готовый гуллом обернуться. Тут уже никаких сомнений быть не могло. И Верша, не ведая сомнений, двумя короткими ударами сбил лежавшие у него на плечах руки. Девица, в этот самый момент вновь потянувшаяся к шее чистильщика, потеряла равновесие и резко подалась вперед. Что характерно, зубы скалить при этом она не забывала. Хотя, скорее всего, дело было вовсе не в особой агрессивности конкретной твари, а

в том, что особое устройство ротового аппарата не позволяло ей полностью сомкнуть челюсти. Не упустив представившуюся возможность, Верша нанес серию коротких, но сильных ударов локтями по и без того распухшей физиономии гулла-кровопийцы. Тварь откинулась назад и тут же получила дверцей по лбу, затем – кулаком в нос и снова – дверцей по голове. Верша молотил без остановки, как будто перед ним был подвешенный на веревке мешок с песком, служащий для отработки самых грязных ударов боя без правил. Тварь успевала только рыкать в ответ и временами взмахивала руками, будто ища опоры или что-нибудь, за что можно зацепиться скрюченными пальцами. Если бы чистильщик сделал паузу хотя бы на секунду, тварь извернулась бы, прыгнула и вцепилась в него. Как следует. И это был бы конец. Еще никому не удавалось победить сырца в честном, открытом бою. Потому что сырец и сам не станет драться честно. Удары со спины и ниже пояса – это именно то, что получается у твари лучше всего.

Работая попеременно дверцей и кулаком, Верша загнал гулла-сырца в глубь фургона, захлопнул дверь, привалился к ней спиной и посмотрел на небо. Все такое же черное, бездонное. Звезд не видно. Тоска.

– Эй, служивые! У кого автомат под рукой?

Одной короткой репликой Верша моментально привлек к себе внимание всех присутствующих. Чего, собственно, и добивался.

– Не до шуток, Верша, – недовольно буркнул Игорь.

Лейтенант, получив дозу транквилизатора, которая слона могла свалить, и не думал успокаиваться. Напротив, он, казалось, становился все сильнее и агрессивнее. Игорь старался не смотреть Ширшову в лицо – боялся, что уже не увидит в нем ничего человеческого. Он то и дело посматривал в сторону напавшего на лейтенанта шоггота, опасаясь, что тварь попытается вылезти из гнезда. Но шоггот вел себя тихо – сжался в плотный слизистый комок и сделался почти незаметным. В общем, такое поведение было наиболее характерным для шоггота. Как правило, он не искал жертву, а ждал, когда она сама к нему придет.

Верша качнулся вперед, когда гулл изнутри бросился телом на дверь.

– Девка ожила! – крикнул он.

– Какая еще девка? – рыкнул в ответ Игорь.

– У нас что, полная машина баб?.. Та самая, которую недавно загрузили!

Только теперь Игорь поднял голову и посмотрел на напарника.

– Она же мертвая.

– Я тоже так думал... – Верша снова дернулся от удара в дверь изнутри. – Да пристрелите же ее кто-нибудь!

Нет, Верша не шутил. Такими вещами – ночь бы в карман! – вообще не шутят! В особенности – чистильщики!

Игорь жестом попросил у патрульного автомат. Тот скинул с плеча «калашников» с откидным прикладом и протянул оружие чистильщику.

– Держите лейтенанта.

Игорь снял автомат с предохранителя, передернул затвор и подошел к Верше. Поставив ноги чуть шире плеч, Игорь откинул автоматный приклад, плотно прижал его к плечу и аккуратно прицелился. Точно – чуть выше головы Верши.

– Готов?

– Да.

Верша упал на мостовую.

Дверца фургона отлетела в сторону.

Игорь трижды плавно надавил на спусковой крючок. Три посланные в цель пули разнесли голову высунувшемуся было из машины сырцу.

– Все? – чуть приподнял голову Верша.

– Ну, если у тебя там больше никого нет...

– У меня? – Верша криво усмехнулся и поднялся на ноги. – Можно подумать, это я ее покататься пригласил!

Игорь поставил автомат на предохранитель и опустил ствол.

Верша заглянул в машину и густо выругался.

– Вот же, гать через болото... Теперь замучаешься отмывать.

Вся машина изнутри была уделана кровью и разлетевшимися по стенкам мозгами. Хорошо еще, что перегородка с водительской кабиной была закрыта – иначе бы и там была кровавая баня.

– Что с девчонкой случилось?

– Ты у меня спрашиваешь? – не то насмешливо, не то обиженно посмотрел на напарника Верша.

– У нее не было никаких признаков заражения.

– Ага. А еще я ее обработал, как всякую мертвую тварь. Нитрат серебра с инсулином. На всякий случай.

– А имитатор как?

Вытянув шею, Верша заглянул в машину.

– Вроде не шевелится...

Игорь подошел к напарнику, откинул в сторону ногу мертвой – теперь уж, надо полагать, окончательно мертвой девицы, подтянул мешок с трупом и расстегнул молнию. Имитатор был мертв. Или, по крайней мере, производил впечатление абсолютно мертвого тела. Струйка крови, вытекшая из пулевого отверстия в центре лба, успела засохнуть. Игорь застегнул молнию на мешке и затолкнул труп в машину.

– Ну и ночка сегодня, – глядя на напарника, покачал головой Верша. – Скажи, Гибер?.. Я, как до дома доберусь, сутки отсыпаться буду... Не, сначала душ приму... Или, еще лучше, ванну горячую.

– Почему девка ожила?

– Ты у меня спрашиваешь?

– А у тебя есть соображения?

– Не-а, – мотнул головой Верша. – Только автомат я теперь из рук не выпущу.

– Ну, если шоггот за ногу схватит, то и автомат не поможет.

– Если шоггот схватит, тогда я сам себе мозги вышибу.

Игорь внимательно посмотрел на напарника. Нет, Верша не дурачился. И героя из себя не корчил. Он действительно сделал бы то, что сказал. Причем – не задумываясь. Потому что сам не раз видел, что происходит с теми, кого коснулся шоггот.

– Не пойму, что происходит. – Игорь достал из машины сложенные вместе металлические рейки с фиксаторами. – Гаст точно был ненастоящий. Шоггота рядом не было...

– А тот, что лейтенанта хапнул?

– Он позже выполз... Мне на него тот парень указал, которого псевдогаст покусал.

– Парень увидел шоггота раньше тебя?

– Да.

– Такое вообще-то может быть?

– Не знаю.

– А что, если он тоже инфицированный?

– И что ты предлагаешь?

– Я не предлагаю, а спрашиваю.

– Лучше бы предложил что-нибудь.

– Оставь это кримам, Гибер. У нас и без того забот хватает... Да какое там! – Верша с досадой махнул рукой. – Мы сегодня, скажем прямо, в полном дерьме.

Он забрал у Игоря фиксаторы и точными, отработанными движениями разложил не особенно сложную крестообразную конструкцию.

– Мы? – саркастически усмехнулся Игорь. – Город в дерьме тонет. А мы еще как-то на плаву держимся.

Это была уже реплика, адресованная самому себе – Верша его не слушал.

– Ну, как? – поинтересовался санитар у патрульных. – Все еще дергается?

– Да еще как! – ответил тот, что не давал лейтенанту распустить затянутую на шее проволочную петлю.

– Ну, сейчас мы его утихомирим... Растяните-ка руки в стороны... До упора... Сильнее!

Присев на корточки, Верша наложил крестообразную раму лейтенанту на грудь, подтянул перекладины до рук и защелкнул на запястьях и локтях широкие, проложенные мягкой, пористой резиной фиксаторы. Четыре других фиксатора защелкнулись на щиколотках и чуть выше коленей лейтенанта. После чего Верша прижал к телу распятые на перекладинах руки Ширшова и закрепил их на центральной штанге. Теперь оставалось самое главное. На полуподвижном шарнире, расположенном на верхней части металлической конструкции, Верша закрепил проволочный каркас с кожаной полумаской и одним поворотом винта зафиксировал ее на лице Ширшова.

– Вот так! – Нажав клавиши одновременно с двух сторон, он загнал в рот лейтенанту стальной мундштук, как на удилах. – Можно снимать петлю, – сказал он патрульному. – А теперь подняли и осторожно понесли.

Патрульные взяли за рукоятки на штангах фиксатора и понесли обездвиженного командира к машине «неотложки».

– Ох, и ни фиги себе! – тяжело выдохнул первый, заглянувший в машину.

– Как на скотобойне, – поморщился второй.

– И не говорите, ребята, – удрученно кивнул Верша. – Вот так, прикиньте, каждый день. – Он посмотрел на Игоря. – Уйду я с этой работы, Гибер. Точно, уйду.

– Да куда ты уйдешь? – Игорь даже не усмехнулся, настолько привычными были причитания напарника. И если бы один Верша тянул этот заунывный плач. – Тебя Молчун не отпустит.

– А что мне Молчун! – с вызовом вскинул подбородок Верша. – Не он меня на службу принимал!.. А если потребуется, я до самого старшего киура дойду!

Верша запрыгнул в машину, сдвинул в сторону мертвых и накиннул на их тела прорезиненную простыню.

– Так он тебя и ждет.

– Кто?

– Старший киур, кто же еще.

– Ждет не ждет, а ежели меня все это сильно достанет... – Не закончив фразу, Верша протянул руку патрульному. – Ну-ка, давай!

Перехватив рукоятки распорки, чистильщик втащил обездвиженного лейтенанта в машину, уложил его по правому борту рядом с поднятой скамейкой и защелкнул на штанге боковые зажимы, чтобы во время движения не мотало.

– Ну, как, удобно? – Верша заглянул Ширшову в глаза.

И в этом не было даже намека на насмешку. Он и в самом деле заботился о том, чтобы не причинять лейтенанту лишних неудобств.

Проволочная петля на горло – это для сырца, а бывшему лейтенанту Ширшову лежать должно быть удобно, пусть даже связанным и с железным мундштуком во рту.

– Может, ему еще транквилизатор вколоть? А то взгляд какой-то совсем уж безумный.

– На него лекарства уже не действуют.

– И что с ним теперь будет? – спросил один из патрульных.

– Я не врач.

Игорь не хотел смотреть на патрульных – знал, что увидит лишь затемненные забрала. Рядом с ним находились четверо ребят, на глазах у которых их командир только что обернулся тупой, злобной тварью. И ни одного из них чистильщик не смог бы узнать в лицо, даже если бы столкнулся с ним нос к носу в метро. Или в маршрутке сел на соседнее сиденье.

Почему они прячут лица?

Или лучше спросить – от кого?

А может, лучше и не спрашивать?

Может, так и должно быть?

Может, так было правильно?

Может, это санитары дураки, что выставляют лица на всеобщее обозрение? Будто они знаменитости какие! Ведь можно же хотя бы темные солнцезащитные очки надеть... Хотя ночью – это глупо... Ну, тогда, марлевые повязки. Санитарам – в самый раз... Легко, должно быть, жить тому, кто смотрит на мир сквозь танковую амбразуру.

Игорю вдруг захотелось закрыть глаза и начать считать проплывающих перед мысленным взором слонов. Можно – розовых. С ажурными, полупрозрачными крылышками и длинными, закручивающимися на концах усиками, как у бабочек. С добрыми, задумчивыми взглядами и мохнатыми ресницами... Чтобы уснуть... Уснуть и видеть сны... Сны про розовых слонов. А не кошмары про залитые кровью машины «неотложки», превращающихся в чудовищ людей и вовсе неведомых тварей, лезущих сквозь прорехи в гнилом, затасканном полотне мироздания.

– ...И пусть сам старший киур с этим разбирается!

Игорь открыл глаза:

– Что?

Верша сидел на подножке, подперев голову кулаком.

– Скажи мне, Гибер, для чего существует Гильдия чистильщиков?

– А она существует? – недоверчиво спросил один из патрульных.

– Существует, – уверенно кивнул Верша. – Хотя это великая тайна. Так что я тебе об этом ничего не говорил.

Игорь не видел лица патрульного, но был уверен, что тот недоверчиво поджал губы.

Гильдия не афиширует свою деятельность. Поэтому все разговоры о ней ведутся на уровне слухов и домыслов. Сам Игорь Песков уже второй год работает на Гильдию чистильщиков. И что он знает о ней? Не больше, чем патрульный, недоверчиво слушающий Вершины байки. Да тот же Верша, собравшийся жаловаться старшему киуру на свою судьбину тяжкую, хотя и уверен в том, что глава Гильдии существует, понятия не имеет, как попасть к нему на прием. И где она вообще находится, приемная эта? В Кремле или в ином витке вселенской суперструны? Быть может, что-то было известно о Гильдии Молчуну. Он ведь как-никак руководил районной службой неотложной помощи. А значит, должен перед кем-то и ответ держать. Но на то он, видно, и Молчун, чтобы знать, что надо, да помалкивать. Хотя, может, и Молчун ничего толком не знает.

А может, и нет действительно никакой Гильдии?..

Может, это чья-то не слишком умная шутка, зашедшая так далеко, что хода назад уже нет? Шутка, которая начала жить собственной жизнью, превратившись в некое подобие реальности? В которую верят теперь даже те, кто когда-то ее сотворил?..

Скажете, не бывает такого?

Да еще как бывает!

– Ну, что, займемся шогготом? – Верша водрузил на нос разноцветные очки. – Ты посмотри, как скукожился! Сейчас самое время его накрыть.

Шогготы ничем не лучше Гильдии. Они вроде как существуют, присутствуют в нашей реальности, даже в какой-то степени доступны для восприятия. Но, с другой стороны, их вроде бы и нет. Патрульные, наверно, до сих пор не понимают, что произошло с их командиром.

Они были свидетелями того, как лейтенант Ширшов сошел с ума. И – все. С кем, спрашивается, не бывает? И при чем тут шоггот? Ну, в самом деле, как можно поверить в то, чего ты сам не видел? А чистильщики – да они сами ненормальные! Может, ничего-то они не видят на самом-то деле, а только притворяются? Чтобы людей в заблуждение вводить? Игорю доводилось слышать и такую версию. Зачем они это делают? Понятное дело, это – заговор! На самом деле нет ни шогготов, ни сырцов! Есть эпидемия. Эпидемия массового безумия! А сказки про вторжение – для того чтобы паники не возникло... Можно подумать, эпидемическое безумие не так страшно, как банальное вторжение шогготов. Хотя, если бы население принялись убеждать в том, что в стране эпидемия, сторонники теории заговора тут же решили бы, что это делается лишь для того, чтобы скрыть правду об инопланетном вторжении.

Игорь достал из машины заглушку – обруч с натянутым на него асбестовым полотном.

Асбест, говорят, вреден для здоровья. Даже рак из-за него случается. Однако это единственное надежное средство, позволяющее нейтрализовать шоггота. А задача «неотложки» в том и заключается, чтобы на время закрыть гнездо этой твари так, чтобы в него кто-нибудь не попал. Сдуру или по неосторожности. Вытравливают шогготов локализаторы. И как они это делают, Игорь не знал. Да и знать не хотел. Как говорил Верша: что, у нас своих забот мало? В иерархии чистильщиков локализаторы стояли на ступеньку выше санитаров. А значит, чуть ближе к киурам Гильдии. Что им это давало? Скорее всего, ничего, кроме чувства морального удовлетворения. Существует определенная категория людей, для которых вялотекущий бред – это нормальное состояние ума. Удивительно не то, что их число значительно превышает среднестатистическую норму идиотов на душу населения, а то, что зачастую бред приобретает самые удивительные формы. Вплоть до национальной идеи.

Верша вооружился пневматическим молотком и для проверки вогнал пару девятидюймовых гвоздей в асфальт.

– Порядок! Укладывай!

Старательно расфокусировав зрение, Игорь осторожно приблизился к гнезду шоггота. Асбестовую заглушку он держал в левой руке, чуть отнеся ее в сторону – как тореадор мулету. Шоггот вел себя спокойно. Можно даже сказать, вяло. Он был похож на комок полупрозрачной слизи, размером чуть больше баскетбольного мяча, внутри которого плавали, приглушенно мерцая, крошечные серебристые искорки. Как блестки, имитирующие снег в игрушечных шарах с заснеженными альпийскими домиками. Короткие псевдоподии слепо шарили по асфальту, как будто искали на ощупь потерянную монетку. Что представлял собой этот комок слизи? Живое, разумное существо? Биомеханизм? Некое пространственное образование? Что-то вроде искривления пространственно-временного континуума?.. Последнее определение Игорь слышал от одного из локализаторов. И оно ему страшно понравилось. Ну, в самом деле, что может быть лучше искривления пространственно-временного континуума? Особенно когда требуется объяснить нечто, вообще не поддающееся объяснению. А искривление пространственно-временного континуума хотя ничего и не объясняет, но все как бы расставляет по местам. Вам непонятно, что происходит? Искривление пространственно-временного континуума! Вот так! Теперь ясно?.. Ну кто, спрашивается, после такого объяснения наберется смелости заявить, что он ничего не понял? Вот для Верши, например, большего и не требовалось. Осознавая, что происходящее находится за гранью его понимания, он не задавал лишних вопросов. Однако заковыристое определение – искривление пространственно-временного континуума! – означало, что кто-то все же в курсе того, что происходит. Например, киуры из Гильдии чистильщиков. Значит, ситуация под контролем. Пускай все летит к чертям, но ситуация-то под контролем!

Вот так-то, братцы.

Тот, кто стоит на ступеньку выше, знает немного больше того, кто находится ниже него. И не потому, что умнее, а потому, что у него обзор шире.

– Как ты думаешь, – почему-то шепотом обратился к напарнику Игорь. – Какова вероятность того, что человек наступит точно в гнездо шоггота?

Он словно боялся, что шоггот может его услышать.

Хотя, по словам все тех же локализаторов, у шогготов не было никаких органов чувств. Для того они вроде бы и использовали людей – чтобы через них воспринимать окружающий мир.

Все тот же бред – из серии основополагающих.

«То есть создание монстров не являлось для них самоцелью?» – спросил тогда Игорь у небритого, уставшего, как и он сам, лока.

Локализатор сосредоточенно поскреб в затылке, будто собирая мысли в кучку, и дал весьма определенный ответ: «А черт их знает!»

– Ты про лейтенанта? – спросил Верша.

– Ну да, – кивнул Игорь. – Шоггота не было, когда ты пристрелил псевдогаста. Значит, либо Ширшов встал точнехонько в гнездо только что выбравшегося на свет божий шоггота. Либо шоггот вылез в том самом месте, где стоял лейтенант.

– Мне все равно, – честно признался Верша. – Мне не нравится то, что я был совсем рядом с ним... Как подумаю – мороз по коже... Знаешь, Гибер, сколько сырцов я пристрелил за время работы в «неотложке»?

Верша настолько круто сменил тему, что Игорь не сразу нашелся что ответить. Да и не принято среди чистильщиков обсуждать подобные вопросы. При чем тут убийства – это работа.

Игорь достал из кармана монету и, даже не посмотрев на ее достоинство, кинул в шоггота. Звякнув, монета упала на асфальт.

Для нее шоггота не существовало.

А существовала ли она для него?

– Зачем ты это сделал? – удивленно посмотрел на напарника Верша.

– Просто так... Захотелось.

– А больше тебе ничего не хочется?

– В каком смысле?

– Не знаю. Может, у тебя возникают какие-нибудь странные, неожиданные и непредсказуемые желания? Которые даже тебе самому кажутся странными?

– Нет, не возникают.

– Точно?..

– А в чем проблема?

– Ну, мне не хотелось бы оказаться рядом в тот момент, когда ты окончательно с катушек слетишь.

– Попроси Молчуна, пусть переведет в другую смену.

– Давно бы так и сделал, если бы в нашей конторе работал хотя бы один нормальный, вменяемый санитар.

– Переходи в локи.

– На лока учиться нужно.

– И что тебе мешает?

Верша прищурился и посмотрел на Игоря так, будто хотел сказать: «А сам-то чего?» – но промолчал.

– Ладно, давай покончим с этим.

Игорь поудобнее перехватил асбестовую мулету и на вытянутой руке откинул ее в сторону.

– Красиво, – заметил Верша.

– Что? – непонимающе посмотрел на него Игорь.

– Ну, вообще... – Верша помахал пневмомолотком. – Если бы я снимал фильм про чистильщиков...

– Помолчи, Верша!

– Ладно.

Верша сделал умиротворяющий жест рукой – все, мол, в порядке, все хорошо... Хотя и обиделся. Самую малость.

Игорь сделал шаг вперед, одновременно широко взмахнул асбестовой мулетой, занес ее над гнездом шоггота, поймал летящий по воздуху край другой рукой и бросил заглушку вниз, на асфальт. На шоггота.

– Давай!

Всякий раз, когда он накрывал шоггота заглушкой, Игорю казалось, что он должен почувствовать какое-то сопротивление. Или – рывок. Одним словом, попавший в ловушку шоггот должен был как-то проявить себя. Попытаться вырваться. Но ничего не происходило. Ровным счетом ничего. Заглушка ложилась на асфальт, как монета, пролетевшая сквозь призрачное тело шоггота. Порой у Игоря возникало искушение чуть приподнять заглушку и посмотреть, что там, под ней, происходит? Быть может, шоггота там уже нет? Сбежал, почуяв неладное? Назад? В другое измерение? Но ему все же хватало здравомыслия не делать этого. Игорь стоял на четвереньках, прижимая обруч раскинутыми в сторону руками и коленями, и ждал, когда напарник зафиксирует каркас. Верша работал споро – на то, чтобы загнать девять гвоздей, у него ушло не больше пятнадцати секунд. После этого он откладывал пневмомолоток и заливал щель между асфальтом и обручем жидкими гвоздями из баллончика.

– Готово! – Верша собрал инструменты, выпрямился и довольно улыбнулся. – Как говорил Слепой Пью – дело сделано!

Игорь натянуто улыбнулся и потер пальцами уставшие глаза.

– Умаялся, – с пониманием кивнул Верша.

– Дурная сегодня смена, – вздохнул Игорь.

– А у тебя случались удачные дежурства? – усмехнулся Верша.

– Случались, – кивнул Игорь. – Только давно.

– И с тех пор ты не спишь?

– Наверное.

Игорь посмотрел на стоявших возле «неотложки» патрульных. Ему показалось, что ребята в шлемах с затененными забралами и короткими автоматами в руках чувствуют себя неуверенно. Или – неловко. Должно быть, непривычно им без командира. Не знают, что делать. Вот и ждут приказов хотя бы от чистильщиков. Интересно, за кого они их принимают? За безвестных героев, ведущих невидимую битву с потусторонним злом? Или же за служителей тайного культа, посвященных в оккультные знания и приобщенных к древним мистериям?.. А может, просто за дураков, которым среди ночи больше заняться нечем, как только сырцов отстреливать?

– Полночи еще впереди, а у нас уже два трупа – один сырец и сбежавший парень, возможно, инфицированный.

– Бывало и хуже, – непринужденно дернул плечом Верша.

Хотя Игорь был уверен, что безразличие это показное. На девяносто девять процентов. Так нужно. Иначе ведь и с ума сойти недолго. А то и спиться. Или на какую другую дурь подсесть.

– Мы должны спасти людей. А вместо этого... Сколько человек ты спас за последнее время?

– За какое время?

– Ну, скажем, за неделю.

– Знаешь, что я тебе скажу, Гибер, – Верша положил руку приятелю на плечо и аккуратно, но настойчиво повлек его в сторону машины, – если бы не мы с тобой, этот город давно бы вымер. – Игорь недоверчиво усмехнулся. – Даже не сомневайся! Точно тебе говорю! Все только на нас с тобой, дружище, и держится! Ну, сам посуди, если не мы с тобой, так кто еще станет убирать всю эту нечисть с улиц? Они, что ли? – Верша взглядом указал на патрульных. – Сам видел, как их лейтенанта шоггот схавал! И все бы они там были, дружной командой, если бы не мы! Так что давай-ка без соплей. – Верша еще раз ободряюще хлопнул приятеля по плечу. – Садись в машину, вызывай локов. А я тут пока все приберу. Идет?

– Идет, – кивнул Игорь.

– Давай!

Направив санитар в сторону кабины, Верша подошел к патрульным:

– Значит так, ребята, мы свои дела закончили. Ваша задача – расставить знаки и охранять гнездо шоггота, чтобы какой дурень туда с перепугу не влез.

– А сам он оттуда не вылезет?

Задавший вопрос патрульный смотрел, должно быть, на асбестовую заплатку на асфальте. Да и остальные небось тоже. К дребеням бы их затененные забрала!

– Кто?

Верша сделал вид, что не понял, о чем идет речь. Зачем – он и сам не знал. Настроение, видно, было такое, дурацкое – потянуло вдруг на конкретику.

– Шоггот, – уточнил патрульный.

– Да нет, – устало усмехнувшись, махнул рукой чистильщик. – Гнездо законсервировано. Локализаторы приедут и прикончат тварь.

– Как?

– Что – как?

– Как они ее прикончат?

– Шоггота?

– Ну, да.

– Вот приедут, ты у них и спроси. Они тебе все расскажут и покажут. А нам еще твоего лейтенанта в клинику доставить нужно.

– С ним все будет хорошо?

– Всякое бывает. – Верша решил пожалеть ребят и не резать правду-матку. Им ведь еще службу нести в этом зачумленном городе. – Глядишь, может, и выкарабкается.

– И каковы его шансы?

Вот же въедливый попался!

– Чьи?

– Лейтенанта.

– А... Примерно такие же, как после укуса бешеного енота... Слушайте, а вы что, шлемы никогда не снимаете?..

Верша задал вопрос с одной-единственной целью – сменить тему. Однако он все же рассчитывал хоть на какой-то ответ. Поэтому молчание его удивило.

– Ну, если вам так удобно...

Он повернулся к патрульным спиной, заглянул в фургон, проверил распорку, фиксирующую тело сырца, и захлопнул заднюю дверцу.

– Не положено шлемы снимать, – произнес у него за спиной один из патрульных.

– Ну, если не положено...

Верша не собирался развивать тему.

– Случись что – страховку не выплатят.

– Seriously?

– Точно.

– Тогда – понимаю. – Верша повернул дверную ручку. – Ну, будьте здоровы, парни. Глядишь, еще свидимся, вместе сырцов подавим.

Все, более никаких формальностей.

Открыв дверцу, Верша успел заметить, как Игорь сунул в стоявшую рядом с сиденьем сумку водочную поллитровку. Да и запах в кабине стоял соответствующий.

– Приложился? – спросил Верша без осуждения, лишь для порядка.

– Для тонуса, – буркнул в ответ Игорь.

Верша сел на водительское сиденье.

– Локов вызвал?

– Да.

Сунул автомат в держатель. Повернул ключ зажигания.

– Ты хотя бы закусывал, что ли...

– Не хочу.

– Чего не хочешь?

– Есть не хочу.

– Ну, не есть, а так... Для тонуса.

– Да не голодный я.

– Тебе хорошо, а я жрать хочу, как черт!

– Ты все время жрать хочешь.

– А что я могу сделать, если у меня организм такой.

– Какой?

– С ускоренным метаболизмом.

– Если бы у тебя был метаболизм ускорен, ты бы бегал как заводной. Ты просто обжора, Верша.

– А ты – алкаш!

– Ну и ладно, – не стал спорить Игорь.

Какой смысл в споре, когда никто из спорщиков друг друга не слушает? Да и не спор это был вовсе, а ритуальный обмен репликами. Им обоим нужно напряжение скинуть.

– Куда едем?

– Молчун велел везти сырца в одиннадцатую.

– А покойников?

– Там же кинем.

– А потом – поедим!

– Как скажешь, начальник.

– Не будем отвечать на вызовы, пока не поедим!

– Договорились.

Верша отпустил педаль тормоза, и машина, набирая скорость, покатила вперед.

Мимо темных окон чужих домов.

Мимо ярко освещенных витрин.

Мимо зарешеченных окошек ларьков, торгующих черт знает чем, но зато в круглосуточном режиме и почти по бросовым ценам.

Мимо одиноких прохожих, бредущих невесть куда по ночным улицам.

Мимо ярко разодетой шпаны, толкущейся у рекламных щитов.

Мимо, мимо, мимо...

– Знаешь, почему я не люблю ночь?

– Ну?..

– Каждый раз боюсь, что она не кончится.

– Для тебя?

– Нет, вообще для всех.

- Могу понять.
- Вряд ли. Я сам этого не понимаю.

Ночь. Двое и бродяга

- Знаешь, порой мне кажется, что на самом деле ничего нет.
- Ничего?
- Ничего.
- Вообще ничего?
- Вообще!
- Ни шогготов, ни сырцов, ни гастов с гуллами?
- Нет даже Гильдии!
- Ну, это ты хватил...
- Ничуть!
- А как насчет нас?
- Нас тоже нет!
- Здорово!.. Нет, на самом деле! Вот это действительно здорово!
- Еще бы!
- Мне нравится!
- Конечно!
- Определенно нравится!
- У нас лучшая в мире работа.
- Почему?
- Мы обращаем нечто в ничто! А ничто – в нечто!
- Да!
- И это – здорово!
- Отлично!
- Ну, ладно. – Брим провел ладонью по влажному от пота лицу. – Подурачились – и будет.
- Провались оно все пропадом, – поддакнул Шика.
- Что за ночь сегодня... – Брим глотнул пива из бутылки и недовольно поморщился.

К горлу подкатил плотный, кисловатый комок тошноты. – Даже пиво горячее... Не помню, чтобы еще когда был такой жаркий май... Ночь, а духота, как в парилке. – Брим недовольно посмотрел на бутылку в руке. – Даже пить не хочется.

– Ну, и не пей.

– А я и не пью. – Брим кинул бутылку в гулко ухнувший мусорный ящик.

– Дурак совсем? – расстроено посмотрел на Брима бездомный, завернутый в рваную солдатскую шинель с поднятым воротником, сидевший, сложив ноги крестом, по другую сторону аллеи, на травке, под кустом. – Не хочешь пить – не пей. А добро-то чего переводить?

Брим будто и не услышал его. Кинул руки на спинку скамейки, голову запрокинул и в небо уставился. Темное, беззвездное, пустое.

Где-то вдалеке играет музыка. Так далеко... Не то что слов не слышно, а и мелодию не уловить. То ли плясовое что-то, то ли тоскливый, надрывный блатняк.

С истошным завыванием сирены и мертвенным мерцанием желто-зеленых огней из переулка вылетела машина «неотложки», развернулась на крошечном перекрестке и провалилась в ночь.

Снова стали слышны отголоски музыки. День рождения у кого? Или народ просто так, сам по себе дурет?

– Еще бы не дуреть в такой-то духоте...

Шика посмотрел на бездомного:

– Из-за духоты у людей бессонница...

Тот сидел на корточках, втянув кудлатую голову в плечи. Нахохлившись, будто сыч. И словно ждал чего.

– А бессонница – это прямой путь к психозу.

Нет, не сыч, а стервятник. Сидит, смотрит на них и ждет, когда они от жары издохнут. Тогда-то он их и сожрет. Теплых еще выпотрошит.

– Пошел вон! – цыкнул на бродягу Шика.

Не зло, а лениво.

А потому – совершенно неубедительно.

Нищий даже взгляда его не удостоил. Лишь презрительно сплюнул в траву.

– Не слышал, что ли?.. Вали отсюда!

– Ты чего это раздухарился? – Брим скосил на приятеля утомленный взгляд.

– Не нравится он мне, – мрачно буркнул Шика.

Прищурив левый глаз, Брим оценивающе посмотрел на бездомного.

– Мне он тоже не по душе... Какой-то он уж больно...

Не найдя нужного слова, Брим сделал эдакий неопределенный жест рукой.

– Подозрительный! – подсказал Шика.

– Нет, – качнул головой Брим.

– Грязный!

– Само собой... Но я не о том.

– Вызывающий!

– Да! Он провоцирует нас! Тебе так не кажется?

– Верно, – кивнул Шика.

– И вообще, – Брим озадаченно сдвинул брови, – откуда он здесь взялся?

– Не знаю, – пожал плечами Шика.

– Он был здесь, когда мы пришли?

– Да, вроде... – не очень уверенно протянул Шика.

Бродяга прислушивался к разговору двух человек, сидевших напротив него на скамейке. Но не очень внимательно. Вполуха. Они принадлежали к одному биологическому виду, но к разным мирам. Между ними не было и не могло быть ничего общего. Брим и Шика были одеты в дорогие черные костюмы, кожа у них была чистая, ухоженная, прически хотя и не самые модные, но аккуратные. Манеры их не блистали изысканностью. Но в то же время понятно было, что есть мясо они предпочитали вилок с ножом. Хотя все же Брамсу предпочли бы что-нибудь более поповое. Хотя бы Шевчука. У бродяги под шинелью была драная, грязная тельняшка, которая стала видна, когда, опершись на руки, он подался назад. За прической он явно не следил. Ел что придется, в любых условиях. Знал ли он, кто такой Брамс? Возможно, что и нет. Хотя кто его знает? А вот от Шевчука ему непременно сделалось бы тошно.

– Эй! – окрикнул Брим бродягу. – Ты давно здесь сидишь?

– Да уж достаточно, чтобы увидеть, как ты почти полную бутылку пива в мусорку выкинул, – с упреком ответил нищий.

– Смотри-ка, с гонором! – усмехнулся Шика. – Ишь ты!

– Мне кажется, я его знаю, – приглушив голос, сообщил приятелю Брим.

– В каком смысле?

– Я его вроде уже где-то видел.

– А, все эти уроды на одно лицо, – махнул рукой Шика.

– Не скажи. Уроды, они, понимаешь ли, бывают разные... – Не зная, что к этому еще добавить, Брим многозначительно помахал рукой. И тут же в голову пришла нужная мысль: – Да, брат! Природа, она, понимаешь, не терпит однообразия.

– А вот дураки, к примеру, все похожи друг на друга, – вроде как ни к кому не обращаясь и глядя при этом как будто в безысходную бездну, которая, по идее, должна в тебя всматриваться, не сказал, а как бы между прочим заметил нищий.

Прищурившись, Брим попытался повнимательнее присмотреться к оборванцу. Неподалеку горел фонарь, но тень от листвы превращала и без того крепко изуродованное бесформенной бородой лицо бродяги в причудливый пазл.

– Эй! – снова окликнул он нищего.

– Сам ты Эй, – беззлобно, однако весьма неучтиво отозвался тот.

Брим решил не обращать внимания на вызывающее поведение бродяги.

– Что ты тут делаешь? – спросил он в меру спокойно и по возможности миролюбиво.

– А сам-то? – Брим не мог рассмотреть точно, но ему показалось, что нищий усмехнулся. – Два часа ночи, а ты с приятелем в скверике пиво попиваешь. Жена из дома выгнала? Или, может, вы оба из этих?.. – Бродяга многозначительно кивнул куда-то в сторону Тверского бульвара.

Брим аж опешил от такой наглости.

– Слушай, – предложил приятелю Шика. – А давай его пристрелим!

– Шума много будет.

– Ну и что?

– У нас дело.

– Ну да, конечно.

Лицо Шики приобрело чрезвычайно серьезное выражение. Оно всегда становилось таким, когда он думал о деле. К делу он относился со всей серьезностью. А как же иначе?..

– Иди отсюда! – недовольно рыкнул он на бродягу.

Нищий усмехнулся – на этот раз уж точно! – и прилег на травку. Шинелькой аккуратно прикрылся. Как будто сентябрь на дворе, а не середина мая, с небывалой для этого времени года жарой. Днем, казалось, даже асфальт под ногами становился мягким, так, что хотелось наклониться и пальцем потрогать, чтобы убедиться в том, что так оно и есть.

– Назад гляньте-ка.

Шика и Брим разом обернулись. Не испуганно, но настороженно. Брим даже руку под пиджак сунул. Так, мало ли что. Но позади никого не было.

– Придурок, – зло процедил сквозь зубы Шика.

– Видите ларек на другой стороне улицы? – продолжил как ни в чем не бывало нищий.

Ларек и в самом деле был. Светился тусклым желтоватым огоньком.

– Ну? – выжидающе посмотрел на нищего Брим.

– Они булками с сосисками торгуют, – почесав бороду, сообщил бомж. – Булки черствые, а сосиски поганые. Вопрос: какого черта они этим занимаются? В два часа ночи, заметьте!

Шика и Брим непонимающе переглянулись.

– Он издевается над нами?

– Да, похоже на то.

– Хотя, конечно, – продолжил бродяга. – Я бы сейчас и от такой сосиски не отказался.

Лучше – двух.

– Может, тебе еще и пиво из мусорки достать? – участливо предложил Брим.

– Не, – отрицательно мотнул головой нищий. – Оно – теплое. От него тошнит. Лучше в ларьке свежего возьми. Если у них, конечно, холодильник работает.

– Я все же пристрелю его.

– Не стоит, – не очень-то усердно попытался урезонить приятеля Шика.

– Почему?

– Ты злишься на жвачку, что прилипла к подметке твоего ботинка.

– И что?

- Это глупо.
- Все?
- Глупо и необдуманно.
- Понятно.

Брим сунул руку под мышку, положил пальцы на рифленую рукоятку пистолета, надежную и убедительную, как глоток настоящего «Гиннеса», что наливают в шеффилдском пабе «Герб старого герцога». Там – и больше нигде.

- Сломай скамейку, в конце концов! – чуть приподняв, развел руки в стороны Шика.
- Зачем?
- Тебе нужно сбросить напряжение.
- Хороший, между прочим, совет, – сказал, выглянув из-за воротника, нищий.
- Держи. – Шика протянул приятелю глушитель.
- Спасибо. – Брим вынул пистолет из кобуры и навернул на ствол глушитель.

Бродяга, приподняв голову, с интересом наблюдал за приготовлениями. При этом он не проявлял ни малейшего беспокойства. Как будто все происходящее не имело к нему никакого отношения.

- Это у тебя «глок»? – спросил он Брима.
- Да! – Брим передернул затвор.
- Неудачный выбор.
- Да что ты говоришь!
- Точно! Выпендрейный пистолет. Легкий, но чертовски ненадежный. Будь я локализатором, я бы предпочел «Хеклер и Кох» или «Десерт Игл». По ситуации. Но уж никак не «глок».
- А с чего ты взял, что я локализатор?

– А кто же еще? – с безразличным видом пожал плечами бродяга. – Для контролера у тебя мозгов маловато.

- Слушай, оставь его, – дернул приятеля за рукав Шика.
- Ага! Щас!
- С ним что-то не так!
- Не так с ним будет, когда я ему в башке дырку сделаю!

Брим перехватил рукоятку пистолета обеими руками и выставил его перед собой.

- Стой! Брим!
- Ну?..

– Посмотри вокруг... – Шика медленно, с каким-то странным, таинственным, что ли, видом развел руки в стороны и даже как будто слегка присел. – Прислушайся... – произнес он сдавленным полусшепотом.

- Я ничего не слышу, – недовольно дернул подбородком Брим.
- То-то и оно! – вскинул указательный палец Шика. – Ничего не слышно!.. Ни звука... – Потому что уже третий час ночи.
- Нет, – странно оскалившись, тряхнул головой Шика. – Такой тишины не бывает... Никогда... Ее просто не может быть... Посмотри наверх! – Он резко вскинул руку вверх. – Листва на деревьях не шевелится!

- Потому что ветра нет.
- Что-то случилось, Брим... – Шика выставил руки позади себя, будто боясь налететь на препятствие, и начал медленно пятиться. – Что-то пошло не так...

– Постой. – Брим опустил руку с пистолетом, достал из кармана белый, накрахмаленный носовой платок и тщательно вытер сначала мокрый от пота лоб, затем – щеки и скулы и только после этого – шею. – Ты можешь мне сказать, что мы тут делаем?

- Гениально!

Нищий звонко хлопнул в ладоши и рассмеялся во весь голос. Чисто и открыто – что называется от души.

– Зря ты это.

Брим вскинул руку с пистолетом и, почти не целясь, нажал на спусковой крючок.

Он был уверен, что попал.

Да с такого расстояния просто невозможно было промахнуться!

Но в тот момент, когда хлопок выстрела не разорвал, а как будто еще сильнее спрессовал нереальную, противоестественную тишину, накрывшую город, будто пластиковый звуко-непроницаемый колпак, стрелок почувствовал нестерпимую, выворачивающую душу тошноту. Время будто остановилось. Тишина вновь заложила ватой уши. На кончике глушителя, откуда должна была вылететь пуля, повисло сероватое, кажущееся нереальным облачко дыма. Как на картинке из комикса.

Все должно быть не так, совершенно не так, подумал вдруг стрелок.

В ладонь, сжимавшую теплую рукоятку пистолета, ударил толчок отдачи.

Неправильно... По-другому...

Застывший мир будто перевернулся. Опрокинулся, а затем снова поднялся. Но при этом совершил разворот на половину окружности горизонта, скрытого зелеными деревьями, скамейками, домами, припаркованными возле обочин машинами, ларьками, под покровом ночи торгующими черт знает чем...

Хлопок выстрела разорвался праздничной петардой.

В ноздри ударил резкий, чуть кисловатый запах пороховой гари.

– Шика... – одними губами прошептал Брим.

Во лбу у Шики образовалась аккуратная черная дырочка. Из которой потекла струйка крови. Не очень плотная, но густая. Капля на конце будто живая. Ползет уверенно, как жук. По переносице сползла к левому глазу, по щеке – к уголку рта... Когда капля доберется до подбородка, она сорвется и упадет на горячий асфальт. И тогда уже, наверное, свернется...

– Шика... – Брим отвел в сторону руку с пистолетом. – Да как же...

Шика начал заваливаться на правую сторону. Глаза его при этом оставались открытыми. Он смотрел на Брима не с осуждением, а скорее с растерянностью. С непониманием. Затем колени его подкосились, и он упал на асфальт. Ударился лбом о бордюрный камень. А руки раскинул в сторону, как будто пытался еще опереться на них, чтобы все же подняться и что-то сказать.

– А я что тебе говорил, – услышал позади себя Брим.

Рвотный спазм заставил его согнуться пополам и обхватить живот руками.

В глазах помутилось. Уши заполнил пронзительный, тянущийся на одной нескончаемой ноте звон. Боль от которой отдавалась в висках. Брим едва ли не с надеждой ждал, когда же его наконец вывернет. Он был уверен, что это принесет облегчение. Однако тошнота никак не желала переходить в рвоту. Тошнота заполняла все тело, вытесняла мысли из головы...

Брим выронил пистолет на асфальт, сделал шаг вперед и оперся рукой о скамейку.

Кто-то взял его за плечи, довольно грубо и бесцеремонно, и помог сесть.

– Знаешь, в чем твоя ошибка? – Это был голос нищего.

Брим даже не мог сказать, кого он сейчас больше ненавидит – себя, этого нищего, воняющего, как треснувший писсуар в бесплатном сортире на станции «Кукулино»... Или весь мир?.. Да, именно осознание того, что он живет в этом мире, ничего не может в нем изменить и даже покинуть не в силах, вызывало у него тошноту.

– Эй! – Бородатый бродяга в шинели встряхнул Брима за плечи. – А ну-ка, не расслабляйся!.. Ты меня слышишь?..

– Что?..

Нищий усмехнулся, подтянул рукав шинели, которая была ему здорово велика, и хлестко ударил Брима по щеке.

Брим не почувствовал ни боли, ни обиды. Он чувствовал лишь тошноту. От которой невозможно было избавиться.

– Посмотри на меня!.. Ты слышишь?.. – Нищий вlepил Бриму еще одну звонкую оплеуху. – Смотри на меня!

– Убей меня, – процедил сквозь стиснутые зубы Брим.

– Думаешь, тогда все закончится? – недобро усмехнулся бродяга.

– Посмотрим...

Голова Брима откинулась назад. Взгляд устремился в темноту неба.

– Куда подевались все звезды?

– Сейчас я тебе покажу.

Бродяга положил широкую пятерню Бриму на затылок и, надавив, заставил наклонить голову.

– Смотри!.. Видишь?.. Видишь, я тебя спрашиваю?..

– Да... – не произнес, а выbleвал из себя короткий, бессмысленный звук Брим.

А видел он затылок лежащего на асфальте, возле самых его ног, Шики. Вокруг его головы растеклось широкое пятно темной, будто блестящей пленкой подернутой жидкости. В глубине которой мерцали серебристые искорки.

Как звезды.

А может, это они и были? Упавшие на землю и захлебнувшиеся в крови звезды?..

– Ну, как?

Брим сглотнул застрявший в горле кислый комок.

– Я вижу их...

– Еще смотри!

Не отпуская Брима, нищий другой рукой схватил мертвого за плечо и рывком перевернул на спину.

– Ну, и как оно?

Перемазанное кровью лицо Шики было похоже на неравномерно запекшуюся картофелину... Почему-то именно это – дурацкое и абсолютно неуместное сравнение – пришло Бриму в голову... С одной стороны подгорела, с другой – осталась сырой... Он никогда не любил картошку... В детстве Брима тошнило, когда ему в рот пытались запихнуть кусок картофельной запеканки... Кто бы это ни был – мама, бабушка, воспитательница в детском саду, вожатый в пионерском лагере, – они всегда неизменно иезуитскими, будто смазанными подсолнечным маслом голосом приговаривали: «Ты только попробуй, попробуй, как это вкусно...» Брим не хотел пробовать. Он знал, что ненавидит картошку. Но его мнение никого не интересовало... Ты только попробуй, глупенький... Давясь, он со слезами глотал омерзительную, липкую крахмальную массу... От которой оставалось чувство неизбежной тошноты.

– Зачем ты это сделал, Брим? – мягким, почти ласковым голосом поинтересовался вонючий нищий.

– Я... Я не знаю...

Брим крутил головой, стараясь не смотреть в мертвые, обращенные к такому же мертвому, беззвездному небу глаза Шики, но бродяга крепко держал его за волосы.

– Ага... А теперь еще скажи, что ты не хотел.

– Я не хотел... – покорно повторил Брим.

– Чего ты не хотел?

– Я...

Брим закашлялся.

Нищий отпустил его волосы и толкнул на спинку скамейки.

– Ты хотел застрелить меня.

– Это была ошибка...

– Нет. – Наклонившись, бродяга помахал перед его носом пальцем с грязным, обкусанным ногтем. – Ты совершил ошибку, когда отказался купить мне сосисок с пивом.

– Разве?..

Брим растерянно шмыгнул носом.

– Именно, – кивнул нищий. Беззлобно, но убедительно. – Если бы ты сделал то, о чем я тебя просил, ты бы не спеша поднялся на ноги, внимательно, как и полагается, посмотрел по сторонам и, уж поверь мне, непременно заметил бы шоггота, пристроившегося возле самой скамейки. Но – нет! Тебе ведь нужно было покрутиться! Пистолетом, понимаешь ли, помахать!.. И ты вляпался в шоггота. После чего окончательно утратил контроль над реальностью. И смотри, к чему это привело... Нет, ты не отворачивайся, а смотри! Смотри! Чего теперь-то морщиться!

В луже крови, оставшейся на месте, где лежала голова Шики, как будто что-то вздрогнуло. Шевельнулось. Поверхность будто слегка вздулась. Приподнялась. Бриму показалось, что из темноты кровавого пятна на него смотрит чей-то недобрый взгляд.

– Смотри!..

Он, даже если б захотел, не смог бы отвести взгляд.

Перед ним разверзлась бездна.

– Смотри!

Лужа крови оживала.

Сначала что-то заставило ее вздуться, подобно плотному пузырю. Затем из нее полезли щупальца. Скользкие, полупрозрачные, лишенные не только формы, но и какой-либо иной физической сущности, они не ползли, а, казалось, перетекали по воздуху. Зыбкие, как дыхание ветра, породившего их. Легкие и ненадежные, как свет далеких звезд, который они в себя вобрали. Холодные и неумолимые, как смерть, которую они несли.

Брим вдруг будто со стороны себя увидел.

Он сидел с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, вцепившись обеими руками в скамейку. Все его тело, казалось, было сковано судорогой. А взгляд – будто ледяной коркой подернут.

– Смотри!

Щупальца шоггота скользнули по его начищенным ботинкам, обернулись вокруг щиколоток и, будто плотное, эластичное трико, начали обтягивать ноги.

Икры, голени, колени...

– Во время нашей весьма непродолжительной беседы я использовал стандартный мемвирус для создания новой модификации широко распространенного дефектного мемплекса. Вы же с приятелем, вместо того чтобы заблокировать и уничтожить его, создали критическую ситуацию, которая привела к спонтанному самокопированию мемплекса, а в конечном результате – к появлению шоггота. – Нищий, который, судя по речам его, был вовсе и не нищим, и не бродягой даже, сцепил руки за спиной, низко наклонил голову и прошелся дважды вдоль скамейки, на которой сидел Брим. Он аккуратно переступил через мертвое тело и осторожно обошел стороной обернувшуюся шогготом лужу крови. – И ведь что обидно, причиной всему – глупость, помноженная на чудовищную самонадеянность. – Бородатый только приподнял руки, как будто собирался молитвенно вскинуть их вверх, и тут же снова уронил. – Ребячество, да и только! Получили оружие – значит, нужно непременно пустить его в дело! Увидали нищего – значит, непременно нужно дать ему пинка под зад! Зачем? Чего ради? А просто так! Чтобы не вонял тут! Потому что, видишь ли, нас от него тошнит! – Согнувшись в поясе, бородатый низко наклонился и немного подался вперед, чтобы попытаться заглянуть Бриму в глаза. – Ты ведь так и не понял, от чего тебя тошнит, – произнес он негромко. И с досадой

тряхнул кудлатой головой. – Нет. Не понял. Приятель твой, – он быстро, искоса глянул на лежащего на асфальте Шику, – тоже ничего не понял. Но он хотя бы почувствовал, что что-то не так. И попытался остановить тебя. А ты его за это пристрелил.

Странный человек, одетый в драную солдатскую шинель, поднял руку с двумя сложенными вместе пальцами, направил их ошалевшему Бриму в лоб и изобразил выстрел.

Бах! – Голова Брима дернулась, как будто и впрямь в лоб ему угодила пуля.

– Я... Я не хотел... Не хотел его убивать...

– Понятное дело, не хотел, – усмехнулся в бороду мужик, прикидывающийся бездомным. – Тоже мне, наемный убийца, – теперь он хохотнул едва не в полный голос. – Ты бы со стороны на себя посмотрел! Ну, какой из тебя, к лешему, киллер!.. Ну?..

Шоггот уже добрался Бриму до пояса. А он сидел, боясь пошевелиться. Хотя ему отчаянно хотелось бежать.

Прочь отсюда! Прочь!

Прочь от шоггота, от странного нищего, от мертвого Шики... От надрывно стонущей где-то за раскрытым в ночной духоте окном вконец расстроенной гитары, исполнитель на которой к тому же еще ни играть, ни петь толком не умел, но при этом старательно вытягивал гнусавым голосом какой-то похабный мотивчик... От тошноты, комом забившей горло...

Но Брим сидел, не двигаясь с места. Будто парализованный. Или околдованный. А может быть, – загипнотизированный...

Точно!

Бродяга – гипнотизер, незаметно погрузивший его в транс! А на самом деле все не так! Все совсем не так!..

Он не убивал Шику!

Да!

Не убивал!

Потому что он не убийца... У него и оружия нет... Да и вообще, он понятия не имеет, как обращаться с пистолетом!..

Точно!

И он не знает, что за мужчина лежит у его ног. Потому что его – не существует.

И, что самое главное – шоггота тоже нет!

Нет!

Нет вообще ничего!

Нет ночной темноты. Нет майской жары. Нет удушающей зелени. Нет страха смерти. Да и смерти тоже нет! Он пребывает в вечности, как в великом топографическом океане. Покой и целесообразность окружают, обволакивают его, подобно легчайшим шелковым покрывалам... Все ушло прочь, растворилось, исчезло...

Осталась только выматывающая душу тошнота.

Брим открыл глаза.

Псевдонищий стоял рядом, поставив ногу на край скамейки. В руке, что лежала на колене, он держал Бримов пистолет. «Глок». Который ему не понравился... Или он нарочно так сказал, чтобы позлить Брима?.. Сам-то он пистолет держал как профессионал. Небрежно и уверенно. Так может держать оружие только тот, кто никогда с ним не расстается. Даже во сне.

– Я застрелил Шику, – убитым голосом произнес Брим.

Это прозвучало как признание перед судом. Мол, все, больше отпираться не стану. К лешему! Ведите меня, сажайте на электрический стул. Или – иголку в руку и тиопентал натрия по вене. И при этом можно кувалдой по затылку – чтобы наверняка.

– С чего это ты взял? – удивленно вскинул густые, кустистые, явно ненастоящие, приклеенные брови нищий.

Брим словно и не услышал вопрос. Медленно и плавно, будто двигаясь в невесомости, он опустил руку на обтянутую прозрачным, студенистым телом шоггота бедро и попытался ухватить в пригоршню шматок слизи. Сначала Бриму показалось, что ему это удалось. И он даже улыбнулся. Непонятно, с чего? Но когда Брим перевернул руку и разжал пальцы, оказалось, что ладонь пуста. Он почувствовал страшное разочарование. И обиду. Такую, что в носу зашекотало и слезы на глаза навернулись. На шоггота ему было плевать – Бриму было жалко себя. Жалко до тошноты.

Он поднял мутный от слез взгляд. И увидел стоящего рядом с нищим Шика.

Мир снова перевернулся.

Да так резко, что Брим и заметить не успел, как свалился со скамейки.

Теперь он лежал на противно-теплом асфальте, смотрел в недружелюбно-темное небо и чувствовал, как из пулевого отверстия в виске пульсирующими толчками выплескивается кровь. Ему было не больно, а щекотно.

Склонившись, сверху на него смотрели двое. С одной стороны – ненастоящий нищий в солдатской шинели. С другой – Шика. У каждого – пистолет в руке.

– Меня убили? – тихо прошептал Брим.

Ему не было страшно – просто хотелось знать, что происходит?!

– Похоже на то, – кивнул странный тип, выдающий себя за бродягу. – Теперь твой приятель пропустил зараженный мемвирусом активный мемплекс и спровоцировал его самокопирование.

– Зато ты словил пулю, – весело подмигнул Шика.

– Тебя все еще тошнит?

Брим прислушался к тому, что происходило у него внутри. Ощущения были разные. Странные и по большей части непривычные. Оно и понятно – прежде ему не доводилось бывать мертвым. Он не мог сказать, тошнит ли его, но он точно знал, что слышит доносящийся откуда-то издалека блатняк, исполняемый под гитару сирым, противным голосом. От которого у него тотчас же возникло устойчивое, подавляющее все остальные чувство вселенской тошноты.

– И что теперь? – полюбопытствовал Брим.

– А что теперь? – пожал плечами нищий, не то безразлично, не то устало. – Придется еще раз повторить.

– Что?

– Переход через точку поливариантности.

– На этот раз кто кого застрелит? – спросил Шика.

– Поглядим, – с недовольным видом буркнул нищий.

– Слушай-ка, – Шика посмотрел на нищего так, будто за его длинной, густой, нелепой, откровенно ненастоящей бородой стал просматриваться знакомый образ. Он поднял пистолет и озадаченно почесал стволом висок, – а ты вообще-то кто такой?

«Ай, молодец! – мысленно похвалил приятеля Брим. – Наконец-то спросил о самом главном!» – Вслух ему говорить было тяжело. Да и не хотелось.

– Я есмь начало и конец, – усмехнулся притворщик.

– Да кончай ты, – недовольно скривился Шика. – Что, совсем нас за дураков держишь?

– Ну, ладно, – не стал спорить незнакомец. – Пусть будет просто конец. Устраивает?

Спиной, мокрой от пота и крови, прилипшей к горячему асфальту, Брим вдруг почувствовал, что сейчас произойдет. Нет! Мысленно заорал он во всю глотку. И, оттолкнувшись локтем, перевернулся на живот с надеждой успеть подняться на ноги. Первая попытка оказалась неудачной. Носок ботинка скользнул по асфальту, не найдя точку опоры. Но со второй попытки Бриму все ж таки удалось подняться. Даже не успев выпрямиться во весь рост, раскинув для устойчивости руки в стороны, он побежал.

Куда?

Да куда угодно!

Лишь бы подальше от темноты, жары и тошноты! От шогготов, цепляющихся за ноги!..

Он сделал всего шесть или семь шагов, как вдруг ноги его почти по колени провалились в асфальт. Как в жидкую грязь. Продолжая по инерции двигаться вперед, Брим упал на четвереньки. Прямо перед его носом из трещины в асфальте проклюнулся малюсенький шоггот. Булькнул, надулся пузырем и начал быстро расти. Тоненькая, с крошечной луковичкой на конце ложноножка старательно, изо всех сил тянулась вверх, чтобы прилепиться к потному, перекошенному от испуга лицу.

На кончике носа повисла тяжелая, мутная капля пота.

Брим тряхнул головой.

Капля осталась на месте...

Он застрял!

Он понял, что застрял!

Крепко застрял!

И, как это ни смешно, надежно.

И виной всему был вовсе не расплавившийся от несусветной жары асфальт. А стервец, выдающий себя за нищего. С его – чтоб ему заживо сгнить! – мемвирусами!..

Бриму показалось, будто кто-то крепко наподдал ему ногой под зад. Он рыпнулся вперед и ткнулся лбом в асфальт. Точно в то самое место, где маленький шоггот только-только начал обустройства свое слизистое гнездышко...

Шогготы внушают страх всем и вся. Наверное, нет человека, который не вздрогнул бы при одном лишь упоминании об этой твари. Хотя, надо признать, есть существа внешне гораздо более омерзительные. Шогготы вызывают тошноту не тем, как они выглядят – да большинство их попросту не видит! – а тем, что они делают.

Мир рухнул и рассыпался, как упавший пазл.

А затем сложился снова. Хотя какие-то фрагменты, скорее всего, оказались потерянными. А некоторые встали не на свои места. Неровно встали, косо, кое-как. Но это все лучше, чем дыры, зияющие в пространственно-временном континууме.

Хотя, конечно, как посудить...

– Кто-то должен сегодня умереть, – с мрачной, ненавязчивой решимостью Клинта Ист-вуда изрек Шика. И для убедительности добавил: – Непременно.

А затем языком ловко перекинул зубочистку из одного уголка рта в другой.

– И это буду не я, – в тон ему отозвался Брим.

– Да сколько же это будет продолжаться! – с граничащей с отчаянием тоской всплеснул руками неизвестный в шинели.

Ни один даже глаз на него не скосил.

Ай молодцы, ребята!

Шика и Брим стояли на расстоянии пяти шагов друг от друга. Каждый держал в вытянутой руке пистолет, направленный на приятеля. А между ними, как гигантский анемон, шевелил щупальцами небывалых размеров шоггот. Даже псевдонищему, который, судя по всему, много чего повидал и почти обо всем был осведомлен гораздо лучше обоих, вместе взятых стрелков, прежде такого видеть не доводилось. Никогда. И он полагал, что этот случай непременно должен войти в анналы Гильдии. Но для начала следовало разобраться с парочкой не в меру ретивых пентюхов.

– Дуэль! – вскинул вверх руки бродяга. – Дуэль по всем правилам! Не как-нибудь, а в строгих правилах искусства! – Он взмахнул белым батистовым платочком с кружевными оборочками, непонятно каким образом оказавшимся у него в левой руке. – Я бросаю платок. И как только он коснется земли, то бишь асфальта, вы оба стреляете. Промаяхнуться с пяти шагов весьма сложно. Но все же я на всякий случай приберег это, – таинственный нищий показал

большой дуэльный пистолет. Тот самый, что был в руке у Гумилева, когда он стрелялся с Волошиным. – Если после того, как вы оба выстрелите, кто-то все же останется жив, я добыю его из этого пистолета. – Незнакомец почесал стволом пистолета кончик носа, как будто прикидывая: ничего ли не забыл? – Ну вроде бы все ясно. Начинаем!

– Постой! – Шика щелкнул зубами, не сводя взгляда с противника. – Какой в этом смысл?

– Да, точно! – поддержал его Брим. – Я тоже не понимаю.

– Надо же, – озадаченно качнул головой человек с дуэльным пистолетом. – Два чудака, собравшиеся убить друг друга, заговорили о смысле жизни. Эй! – Он поднял руку с платком и посмотрел вверх. Как будто обращался к кому-то, скрывавшемуся за черным бархатным занавесом, имитирующим ночное небо. – Я надеюсь, это кто-нибудь записывает?

– Почему ты хочешь убить одного из нас? – Брим будто и не услышал последней реплики незнакомца.

– Я? – Бородатый недоуменно ткнул себя пистолетом в грудь. – Это вы собираетесь пристрелить друг друга!

– Это наше дело.

– Ну, хорошо! Делайте свое дело! А потом я сделаю свое! Я прикончу того, кто останется в живых!

– Какой в этом смысл? – повторил вопрос Шики Брим.

– А какой вообще смысл в том, что происходит вокруг? – широко взмахнул руками бродяга. – Ты задумывался когда-нибудь об этом? Или же всю жизнь давился тошнотой, полагая, что так оно и должно быть? Так и заведено от начала веков?

– О чем он? – едва заметно прищурился Шика.

– Он пытается сбить нас с толку, – ответил Брим.

– Ай! Маменька, роди меня обратно! – Странный тип с пистолетом и батистовым, благоухающим бергамотом платочком едва на месте не подпрыгнул. Аж полы расстегнутой шинели взметнулись вверх, как крылья пытающегося взлететь индюка. – Я, видишь ли, их с толку сбиваю! – Он вновь обращался к кому-то в небесах. – И это притом, что они вообще, я бы даже сказал в принципе, не понимают, что происходит. А я! – Он снова ткнул себя пистолетом в грудь. – Я – единственный, кто может им это объяснить! И именно меня они слушать не желают! Вот не желают, и все тут! Прикинь, а... – Лицо псевдонищего, та его часть, что не была покрыта густой растительностью, сморщилось, как будто от обиды. Глаза сощурились. Уголки губ поползли вниз. Бородач сначала шмыгнул носом, затем звучно высморкался в платок. – Ну, ладно. – Он еще раз шмыгнул носом, на этот раз куда как увереннее. – Начали!

Платок взлетел в воздух.

– Эй!..

– Стой!..

– Что ты делаешь!..

Забыв о пистолетах, Брим и Шика разом кинулись к платку, надеясь поймать, пока он не коснулся асфальта.

Бородач отпрыгнул на два шага назад, громко щелкнул курком гумилевского пистолета и зловеще, а может, еще и злорадно, захохотал.

– Ах-ха-ха-ха-ха-хах...

Ну, примерно вот так. Мефистофель, твердь его...

Тем временем шоггот, не теряясь, выстрелил щупальцами и подцепил за ноги сразу обоих дуэлянтов. Которые, понятное дело, не обратили на это внимания. И совершенно напрасно. Потому что шогготы – это такие твари, с которыми всегда следует держать ухо востро. И то, что ты не видишь шоггота, не чувствуешь его появления, да и вообще понятия не имеешь, что он собой представляет, – вовсе не оправдание. Согласись, если, сыграв в русскую рулетку, ты прострелил себе голову, глупо сетовать на то, что, мол, не повезло. От везения в этом мире

вообще мало что зависит. Как правило, выигрывает не тот, кто стоит на месте и ждет, когда же ему наконец подмигнет удача, а тот, кто, несмотря ни на что, продолжает двигаться, видя перед собой не Цель, а Путь.

Это понимал человек в драной солдатской шинели. И не понимали Шика с Бримом. Именно поэтому ни одному из них не удалось поймать парящий в раскаленном, как в духовке, воздухе благоухающий бергамотом батистовый платок. Именно поэтому каждый из них получил пулю в голову еще до того, как начал обращаться в сырца.

Глядя на их безжизненные тела, бородач развел руками:

– Глупо и бессмысленно! Провалена уже третья попытка. По-моему, мы попусту теряем время. Из этой пары не выйдет толк.

Но у того, кто руководил процессом, имелось на сей счет свое мнение.

Мир в очередной раз перевернулся.

Теперь уже никто точно не смог бы сказать, где у него верх, а где низ.

– Хотя, с другой стороны, что такое верх и низ? Всего лишь условности. Такие же, как правая и левая нога. Которые остаются таковыми лишь до тех пор, пока мы их так называем. Свет и тьма. Холод и тепло. Один и два. Условности, о которых договариваются заранее. Исключительно ради удобства общения. Или – обмена информацией, – если хотите. Поэтому, не влезая в философские дебри, давайте просто договоримся: там, где мрачно и недоступно чернеет ночное небо – это верх, а где почти так же мрачно, но уже куда как доступнее и ближе чернеет асфальт, – это низ. Ну, вот и все. Мир снова обрел порядок и стабильность. По крайней мере, в нашем понимании, – грязный, вонючий бродяга, едва не по самые глаза заросший кудлатой бородой, в какой-то степени с надеждой, но в основном все же с тоской посмотрел на сидевших перед ним на скамейке разодетых в дорогие костюмы щеголей. – Я понятно излагаю?

Брим сделал глоток из бутылки, что держал в руке, недовольно поморщился – пиво оказалось отвратительно теплым.

– Слушай, скунс, у тебя пока еще есть выбор. Так постарайся воспользоваться им. Ты можешь прямо сейчас повернуться ко мне спиной и убраться куда подальше, и тогда я кину эту бутылку в мусорный ящик. А можешь продолжать излагать свои бредовые теории – и тогда я расшибу ее о твою башку. Ферштейн?

– Ты идиот, Брим. – Оборванец даже не улыбнулся. – Твой приятель, Шика, хотя бы молчит, если не понимает, что происходит. Что за пиво ты пьешь?

Брим удивленно посмотрел на пивную этикетку. Море, кораблик, парус... Только картинка, а названия почему-то нет.

– Ладно, поставим вопрос иначе... – Вонючий бродяга усмехнулся в бороду. – Какое пиво ты предпочитаешь?

– Чего? – непонимающе глянул на него Брим.

– Я, конечно, могу и угадать, но интереснее будет, если ты сам скажешь.

– Да пошел ты!.. Комик струганый!..

– Отличный выбор! – Бородатый щелкнул пальцами. – Посмотри на этикетку!

Теперь по волнам рядом с корабликом плыли, слегка покачиваясь, буквы, складывающиеся в слова: «Комик Струганый». Не успел Брим рот удивленно разинуть, как из-под кормы вынырнул дельфин, сделал пируэт над волной, подмигнул ему в полете и снова ушел в воду.

– Да пошел ты!.. – Брим взмахнул бутылкой столь энергично, что пиво вспенилось и выплеснулось из горлышка. – Видал я таких фокусников!..

– Боюсь, что еще не видел, – с сочувствием покачал головой бородатый. – Ты предпочитаешь пиво холодным?

– Чего?..

– Охладить, спрашиваю, пиво?

Брим растерянно посмотрел на бутылку. Дельфиний плавник вновь мелькнул среди волн.

– Как ты это сделаешь?

– Очень просто.

Бродяга даже бровью не повел.

А бутылка в руке Брима покрылась мельчайшими капельками прохладной росы, побелела от изморози, а из горлышка ее полезла влажная ледяная масса.

– Да пошел ты в рай!.. – Брим запустил бутылку в мусорный ящик.

Сообразив, что он уже в третий раз повторил одну и ту же не слишком выразительную фразу, Брим решил, что пора переходить к более радикальным мерам. Картинно, как в кино, откинув полу пиджака, он сунул руку под мышку...

– Не-а! – На этот раз бродяга наконец-то усмехнулся по-настоящему.

И покачал стволом пистолета, который держал в руке.

Оставшись без оружия, Брим почувствовал себя как-то совсем уж неуютно. Откинувшись на спинку скамейки, он наконец-то задумался о происходящем.

Шика меж тем осторожно сунул руку под пиджак и убедился в том, что его пистолет тоже пропал. Но, в отличие от приятеля, Шика не стал возмущенно орать и размахивать руками. Шика решил, что раз уж он все равно не в состоянии как-то повлиять на происходящее, то лучше позволить событиям течь по-своему. Ведь даже оставаясь на месте, ты можешь продолжать двигаться по Пути. Это Шика, кажется, начал понимать. Вот только куда ведет этот Путь? И ведет ли он вообще куда-нибудь? Эти вопросы Шика даже задавать себе боялся. Неведение порой лучше знания того, что ты не в состоянии постичь. Или это уже перебор?

– Это гипноз! – выдал Шика первое, что пришло ему в голову.

– Нет, – отрицательно мотнул головой бородастый. – Это управление сознанием на вербальном уровне.

– То есть? – непонимающе сдвинул брови Брим.

– То есть с помощью определенных словесных конструкций я заставляю ваше сознание создавать так называемые мемплексы – структурные элементы памяти, отвечающие за восприятие действительности.

– То есть ты можешь сказать, что наступил день и на небо взойдет Солнце?

– Нет, Солнце не всходит по моему приказу. И даже просьбу мою, боюсь, оно рассматривать не станет. Но я легко могу убедить вас в том, что сейчас не ночь, а день.

– Seriously?

– Это проще, чем может показаться. Слова – чисто условные символы, связанные с теми или иными явлениями или предметами. Для того чтобы считать ночь днем, достаточно всего лишь изменить правила.

– Даже если мы станем называть ночь днем, она вовсе не станет таковой.

– Почему же?

– Потому что все остальные будут знать, что это все еще ночь.

– А если все станут называть ночь днем?

Шика озадаченно прикусил губу:

– Откуда, по-вашему, берутся шогготы?

Услышав про шогготов, Брим и Шика тут же, как их учили, постарались расфокусировать взгляды и принялись настороженно озираться по сторонам.

– Да нет здесь шогготов, – с досадой притопнул ногой нищий. – Я просто так спросил. Знаете ли вы, откуда берутся шогготы?

– Из дырок в асфальте, – сказал Брим.

– Ну, все, приехали.

Бродяга присел на корточки так, что длинные полы шинели легли вокруг него на асфальт, и положил на колени руки. В каждой – по пистолету.

– Мне кажется, мы попусту теряем время.

– Точно, – не задумываясь, согласился Брим. – Верни пистолет и разойдемся миром.
– А иначе? – из-под бровей глянул на него бродяга.
– Что – иначе? – непонимающе переспросил Брим.
– Какая у нас альтернатива?
– Альтернатива?
– Что вы вообще тут делаете? – Бродяга посмотрел сначала на одного, затем – на другого. – А, ребята?.. Вдвоем, среди ночи...

– Мы на задании, – доверительным полусшепотом сообщил бродяге Шика.

Он почему-то вдруг решил, что нищему можно доверять. Возможно, это сработал очередной, запущенный бородатым бродягой мемвирус.

– Ну, это я понимаю, – кивнул вполне удовлетворенно бородатый. – А в чем конкретно оно заключается? Задание ваше?

Шика и Брим переглянулись. Растерянно или удивленно. А может быть, удивленно и растерянно одновременно. Простой, казалось бы, вопрос поставил их в тупик. И ведь, что любопытно, на него даже необязательно было отвечать. Можно было просто послать нищего бородача. Дальше по Пути. Туда, где живут, размножаются и так вольно дышат шогготы. Но столь простой выход почему-то даже не мелькнул в сознании ни одного из парочки растерянных чудаков.

– Что с вами, ребята? – недоуменно чуть подался вперед бродяга. – Совсем память отшибло?.. Ну?.. Напрягитесь!.. Ну же!.. Да постарайтесь же!

Что-то похожее на понимание мелькнуло в глазах Шики. Он вдруг приоткрыл рот и сделал глубокий вдох. Затем медленно поднял руку и ударил себя кулаком в висок.

– Мать честная!.. – протяжно и жалостливо пропел он, как старательный дьячок. – Да что б меня развернуло и вывернуло!..

– Тошнит? – участливо осведомился нищий.

– Еще как! – не стал отпираться Шика. – Так блевать охота, что сам себе противен!

– Это хорошо, – одобрительно кивнул нищий. – Тошнота – это начало понимания.

– Ты что, совсем дурной? – едва не подскочив на месте, заорал на бородатого Брим. – Какое, к лешему, понимание?.. – Он посмотрел на нищего, на Шика, снова на нищего. – Что мы вообще тут делаем?

– Я уже спрашивал вас об этом, – напомнил бродяга.

– Да?.. И что?

– Ты вообще не захотел со мной разговаривать. – Бродяга поднял кверху ствол пистолета. – Оружием принялся грозить.

– А как пистолет у тебя оказался?

– Мне пришлось тебя обезоружить. В целях безопасности. Ты сначала приятеля застрелил, потом сам хотел застрелиться. – Оборванец дунул в ствол пистолета. – Как только человек берет в руки оружие, он начинает стремительно тупеть. Не замечали?

– Нет, – качнул головой Шика.

– А стоило бы.

Бродяга перехватил пистолет за ствол и кинул его в кусты. Следом – другой.

Брим посмотрел в ту сторону, куда улетели пистолеты, прикидывая, не стоит ли пойти и подобрать. Однако если пистолетов в кустах не окажется – а такое запросто может случиться, – он будет выглядеть полным идиотом... Хотя, конечно, он и сейчас выглядит немногим лучше. Но стоит ли усугублять ситуацию?

– Мне очень жаль, ребята, но, похоже, у вас осталась последняя попытка. Скажу честно, будь на то моя воля, я бы уже давно выгнал вас отсюда взашей. Не скажу, что вы худшие из всех кандидатов, которых мне доводилось тестировать, но вашего опыта, умений и природных способностей явно недостаточно для того, чтобы стать контролерами...

– Контролерами? – изумленно вытаращился на человека в шинели Брим. – Так нас хотят сделать контролерами?

– Поправка, – поднял ствол пистолета нищий. Или кто он там был на самом деле. – Вас всего лишь направили на учебное тестирование. Главным образом мы оценивали вашу способность удерживать в стабильном состоянии собственное представление о реальности. Потому что именно дефектные мемплексы, появляющиеся в ходе мемвирусных атак, деформируют реальность до такой степени, что это приводит к появлению шогготов. Ну а что происходит потом, вы и сами прекрасно знаете... Как давно вы работаете локализаторами?

– Я – полтора года, – сказал Шика.

– А я – девять месяцев, – доложил Брим. – До этого – год в «неотложке».

Бородатый головой покачал не то удивленно, не то разочарованно.

– Либо я чего-то не понимаю, либо жизнь стала совсем другой. Как можно полтора года проработать чистильщиком, но так и не научиться видеть дальше собственных ушей?

– Ты, наверное, хотел сказать – носа, – поправил странного собеседника Шика.

– Я сказал именно то, что хотел сказать. – Бородатый, похожий на бродягу человек резко поднялся на ноги и одернул полы драной шинели. – Я, в отличие от вас, понимаю, что означает каждое – повторяю, каждое! – произнесенное мною слово! И если я говорю «дальше собственных ушей», значит, именно это я и имею в виду.

Брим хмыкнул – вроде бы озадаченно, но в то же время и насмешливо, – и осторожно потрогал двумя пальцами кончик левого уха.

– Ну и как? – подался навстречу ему псевдобродяга. – Что-нибудь чувствуешь?

– Нет, – постарался изобразить разочарование Брим.

– Вот поэтому тебе и не стать контролером! – Бородатый резко и довольно-таки больно ткнул Брима пальцем в лоб. – Контролер все время, в любую секунду, даже когда спит, должен знать о том, что происходит вокруг. Вокруг, а не только перед носом!

– Можно вопрос? – поднял руку Брим. Он понимал, что бородатый не удостоит его ответом, поэтому сразу продолжил: – Я что-то не припомню, чтобы подавал заявление в спецподразделение мемкоммандос. Меня, между прочим, вполне устраивает работа локализатора.

Бородатый расставил ноги чуть пошире, заложил руки за спину и вперил в переносицу Брима тяжелый, немигающий взгляд.

– Я полагал, мы живем в свободной стране, – робко улыбнулся Брим.

– Все? – мрачно спросил бородатый.

– Ну, это смотря в каком смысле, – снова попытался сострить Брим.

– Не стоит говорить о том, что находится за границами твоего понимания, – холодно и сухо парировал бородатый. – А если не знаешь что сказать, так лучше промолчи. Речь человека, не понимающего того, что он говорит, кишит мемвирусами. Которые, попав на благодатную почву, тут же начинают самовоспроизводиться. А задача контролеров заключается в том, чтобы отследить ареал распространения потенциально опасного мемвируса, локализовать его и, в идеале, уничтожить.

– Я думал, этим занимаются локи.

– Локализаторы уничтожают шогготов. То есть они борются не с причиной, а со следствием. Хорош был бы врач, который при любом заболевании назначал бы пациенту ампутацию пораженной части тела или органа.

– И для этого контролер должен уметь видеть ушами, – вновь не удержался от сарказма Брим.

– Все нет, друг мой, – улыбнулся в ответ ему бородатый. Вот только улыбка у него была какая-то странная. Недобрая, что ли. Или не в меру жизнерадостная. Если, конечно, такое может быть. – Контролер должен уметь верно интерпретировать то, что он видит, слышит и

чувствует. Работа контролера чем-то сродни работе сапера. Достаточно единожды допустить ошибку, чтобы лишиться если не жизни, то разума.

– И на такую-то работу вы пытаетесь нас затащить? – Брим растянул губы в ухмылке и сделал резкий отрицательный жест рукой. – Я не готов ставить на кон свои мозги! Ни за какие деньги!

– А они у тебя есть? – участливо осведомился бородатый.

– На что это ты намекаешь?

– Я не намекаю, а говорю прямо – ты отказываешься от самого интересного, самого волнующего, что только может случиться с тобой в жизни. Все остальное по сравнению с этим – фу! – Человек в шинели дунул на раскрытую ладонь, и в воздух взлетело облачко золотистой пыли. – Такая же пыль, которую ты видишь, но не можешь взять в руки. Ты отказываешься от единственной, уникальной в своем роде возможности – увидеть мир таким, каков он есть на самом деле, а не как его представляют себе остальные.

– А что, есть разница? – на этот раз Брим не насмешничал, а спрашивал вполне серьезно.

– Для тебя – нет, – махнул на него рукой бородач.

– А я бы хотел попробовать, – произнес негромко Шика. – Ты ведь сказал, что у нас есть еще одна попытка. Верно?

Прикидывающийся нищим вздохнул и, дабы выразить сожаление, развел руки.

– На мой взгляд, вы оба безнадежны. Для вас мир – это набор условностей, в рамках которых живет подавляющее большинство людей, даже не подозревающих о том, что на самом деле все совсем не так, как им кажется...

– Но я вижу шогготов!

– Их могут видеть даже санитары из «неотложки». Контролер же должен определить причину появления шоггота и найти способ устранить ее.

– Наверное, этому можно научиться.

– Увы, нет. Если у человека есть способности к мемевтике, то их можно развить. Но учить человека, лишенного таких способностей, – это все равно что объяснять глухому, чем Моцарт отличается от Брамса.

– Но у нас есть еще одна попытка!

– Эй, Шика, говори только за себя, – одернул приятеля Брим. – Я не собираюсь заниматься укрощением шогготов. Мне нравится их убивать!

– Ты серьезно это говоришь? – как-то недоверчиво посмотрел на него бородатый.

– Что именно? – не понял Брим.

– Ты считаешь, что можно уничтожить то, чего не существует?

– Ну, до последнего времени нам это удавалось, – снисходительно усмехнулся Брим. – Как правило, два-три шоггота за ночь... Кстати, а почему шогготы появляются по большей части ночью?

– Потому что днем мозг человека занят повседневными, рутинными делами. Ему элементарно не хватает ресурсов для создания и клонирования новых мемплексов.

– И?..

– Поток информации, изливающийся на человека в течение дня, до поры до времени сдерживается виртуальной плотинной. Сброс происходит, как правило, вечером, когда он садится у телевизора, включает компьютер, чтобы нырнуть в какой-нибудь блог или социальную сеть, либо просто открывает газету. Даже если его интересует в ней только спортивный раздел. И хорошо, если это плавный, постепенный сброс, а не катастрофа, когда беснующийся поток сносит все на своем пути.

– Красиво излагаешь.

– Красиво будет, когда тебя самого накроет этой волной.

– Меня не накроет.

– Уверен?

– Я слишком хорошо знаю шогготов, поэтому им меня не достать.

– Ты, трель твою, ни фига не понимаешь. Шогготов – не существует. Все, что происходит в столице и в других крупных городах, – порождение современной цивилизации, основной составляющей которой является информационный бум. Мы сами создали чудовищ, пожирающих нас. – Бородатый поднял руки с растопыренными и чуть согнутыми пальцами, как будто держал в ладонях невидимый шар. – Своими собственными руками.

– А вот этими руками, – Брим повторил его жест в несколько утрированной форме, – я убиваю чудовищ.

Человек в шинели направил на Брима указательный палец. И замер в таком положении.

– Готов доказать?

– Легко.

Бородатый перевел взгляд на Шика:

– Хочешь еще раз испытать себя?

– Да.

– Ну, хорошо. – Бородатый вознес руки к небесам. – Начали!

Шика подобрал ноги под скамейку.

Брим затаил дыхание.

Мир вокруг завис, что твой Windows. Будто в ожидании того, что должно было произойти. С неизбежностью, predeterminedенной всем ходом чумовой истории.

Но ничего не случилось.

Бородатый опустил руки.

– Все? – подчеркнуто серьезно спросил Брим.

– Смотрите на меня. – Взмахнув кончиками пальцев, бородатый словно поманил к себе сидящих на скамейке локотков. – Не оборачивайтесь. Я скажу, когда можно будет это сделать.

– А что там?

– Ты мне ответь.

– В смысле?

– Ты слишком часто пытаешься говорить о смысле, которого нет. Без всякого смысла, просто скажи мне, что находится у тебя за спиной? Ты ведь помнишь, что там?

– Ну... Да...

Брим засунул два пальца за воротник рубашки и покрутил головой. Он делал вид, что ему душно, но на самом деле это была уловка – Брим пытался посмотреть через плечо.

Бородатый погрозил ему пальцем.

– Ну, там... трава!.. Кусты!.. Аллея!.. – Брим скосил взгляд на приятеля: – Так ведь?

– Еще узенькая тропинка возле самой изгороди, – быстро добавил Шика. Изгородь невысокая, металлическая, черная... Проезжая часть и дом... Кажется, четырехэтажный...

– Точно, – кивнул бородатый. – Я заставил вас вспомнить все это для того, чтобы вы потом не обвиняли меня в том, что я что-то изменил. И вы тоже, – добавил он, обращаясь к небесам. – Но одну немаловажную деталь вы все же забыли.

– Какую?

– Не хотите попытаться вспомнить?

– За это призовые очки дают?

– Нет, но...

– И, видимо, не штрафуют. Тогда скажи нам, что мы забыли?

Бородатый прикусил губу. Вид у него был крайне недовольный. Однако спорить он не стал.

– Можете посмотреть.

На другой стороне дороги, в узком темном проулке между двумя домами, под сенью старой, развесистой липы, ветви которой были настолько большими и тяжелыми, что казалось, вот сейчас они завалят дерево, стоял маленький белый ларек, будто странный жучок, светивший из мрака тусклым, желтоватым огоньком.

– Ночной фастфуд, – кивнул Брим.

– Сосиски в булках и бутылочное пиво, – добавил Шика. – Сосиски дрянные, пиво теплое.

– Если помните, я уже предлагал вам посмотреть, что это за странный ларек, торгующий сосисками в три часа ночи.

– Ты, помнится, предлагал нам угостить тебя сосисками.

– Иначе бы вы не поняли, что от вас требуется... Впрочем, вы все равно не поняли. Поэтому сейчас я говорю вам открытым текстом: ваша цель – ларек. Есть подозрение, что там прячутся твари. Ваша задача – прояснить ситуацию.

– И уничтожить тварей! – закончил Брим.

Наставник в шинели спорить не стал.

– Ну, если будет желание... – Он улыбнулся и сделал приглашающий жест рукой. – Контролер должен сам принимать решение, как поступить в той или иной ситуации.

– Отлично! – Брим живенько вскочил на ноги, одернул пиджак и картинно раскинул руки в стороны. – Насчет контролеров не знаю, но как работают локи, я тебе сейчас покажу. – Он щелкнул пальцами и протянул руку. – Оружие верни.

– Я ничего у тебя не забирал.

– Ну да, конечно.

Брим сунул руку под мышку и сразу же наткнулся пальцами на теплую рукоятку «глока». Кто тут кого дурачил – поди разберись. Брим на всякий случай достал пистолет, проверил магазин, передернул затвор.

– Настоящий? – недоверчиво посмотрел он на бородатого.

Тот в ответ хитро прищурился.

– А ты как думаешь?

Брим перехватил рукоятку пистолета обеими руками.

– Я ведь и выстрелить могу.

Бородатый беззвучно рассмеялся.

– Подумай сам, к чему это приведет?

Брим взвесил пистолет на ладони. Он никак не мог понять, кажется ли он ему слишком легким или непривычно тяжелым?

– Бессмыслица какая-то.

– Мы сегодня так много говорим о смысле, что само это понятие, кажется, утратило всякий смысл.

– Дельное замечание.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом?

– С удовольствием. Если вернетесь.

Брим озадаченно наклонил голову:

– Ты, должно быть, хотел сказать «когда вернетесь»?

– Я сказал именно то, что хотел сказать. – Бородатый зябко запахнул полы шинели, как будто в воздухе вдруг повеяло ноябрьской прохладой. – И вообще, ты задаешь слишком много вопросов.

Брим хмыкнул и посмотрел на Шика. Он хотел знать, что приятель думает по этому поводу.

– Я один пойду, – глядя в сторону, мрачно буркнул Шика.

– С чего это вдруг?

– Ты ведь не хочешь.

– Не хочу. Но не могу же я тебя бросить. – Брим почесал согнутым пальцем переносицу и быстро, хитро глянул на бородатого: – Что ты там говорил насчет этого ларька?

– Есть подозрение, что там укрываются твари, – менторским тоном повторил человек в шинели.

– И все?

– А что тебе еще нужно?

– Ну, какое-нибудь доброе слово или напутствие старшего товарища.

– Обойдешься.

– Честно говоря, я особо-то и не рассчитывал, – усмехнулся Брим.

– Ты нарочно время тянешь?

– Ты ничего не говорил про лимит времени!

– Знаешь, почему я все еще стою здесь и разговариваю с тобой? Потому что имею привычку все начатое доводить до конца. До логического, так сказать, завершения. И, между прочим, я уже точно знаю, чем закончится ваш поход к ларьку...

– Не говори! – вскинув руку, прервал бородатого Брим. – А то неинтересно будет! Еще один вопрос...

– Еще один вопрос – и можете считать, что вы провалили задание.

Брим только хмыкнул в ответ, развернулся на пятках и пошел в сторону изгороди, загребая начищенными ботинками уже поникшую от предутренней росы траву.

Примерно на полпути он обернулся, указал на бородатого пальцем и сказал громко и выразительно:

– Я вернусь!

И это была не угроза и уж тем более не насмешка. Он просто счел нужным что-то сказать. И даже не сказал первое, что пришло в голову, а сплюнул то, что вертелось на кончике языка.

Бородатый расправил плечи и по локоть засунул руки в карманы шинели. Он ничего не сказал. Но Бриму показалось, что мир за его спиной едва заметно качнулся, подернулся зыбким маревом и будто поплыл, начал вращаться, медленно, плавно, по ходу циклопической часовой стрелки вселенских часов. Мир снова готовился перевернуться. Обратиться в нечто противоположное самому себе.

Брим еще быстрее зашагал в сторону проезжей части.

Странно, что на дороге ни одной машины. Три часа ночи, но все равно странно. И то, что трава под ногами мокрая, – тоже странно. Роса? В такую-то жару?.. И не странно это было уже, а неправильно. Совсем неправильно.

– Что-то здесь не так, – догнав Брима, произнес негромко Шика.

– Точно, – кивнул на ходу Брим. – Этот нищий дурачит нас.

– В каком смысле? – насторожился Шика.

Он сам точно не знал, что имел в виду, но явно не то, о чем говорил Брим.

– Вот только не надо больше говорить о смысле. – Брим болезненно поморщился, почувствовав, как накатывает очередной приступ тошноты. – Идем! Скорее!

Он с ходу перепрыгнул невысокую, уродливую железную ограду, как будто сделанную большими, неловкими пальцами занимающегося на досуге изготовлением миниатюр великана.

– Постой...

– Что?

– Стой, тебе говорю!

Шика схватил приятеля за локоть.

– Ну? – недовольно оглянулся Брим.

– Что ты собираешься делать?

– Купить бутылку пива и сосиску в ларьке. И отнести их этому бородатому... Ну, в общем, тому типу, что послал нас.

– Ты думаешь, он за этим нас послал?
– У тебя есть другие соображения?
– Он говорил про тварей.
– Он много чего говорил. Вопрос в том, чему из сказанного им можно верить? Мы здесь проходим какой-то новый тест на профпригодность – это факт. Он здесь для того, чтобы дурачить нас и заставлять совершать ошибки – это второй факт. Все остальное – ложь. Ты просил перевести тебя в группу контролеров?

– Нет, но я собирался...
– Мысли читать они не умеют.
– Кто?
– Да кто угодно! – всплеснул руками Брим. – Даже киуры, если они существуют, не могут читать мысли!

– Почему ты в этом так уверен?
– Потому что само предположение о возможности чтения мыслей противоречит моему здравому смыслу.

– А как же шогготы?
– При чем тут шогготы? – Брим поморщился, пытаясь подавить приступ тошноты.
– Шогготы не противоречат твоему здравому смыслу?
– Шогготы противоречат всему, что угодно. Но они есть. И для меня этого достаточно, чтобы признать факт их существования.

– А киуры, значит, не существуют?
– Я в этом не уверен.
– Почему?
– Потому что не видел ни одного из них.
– Ты видел хотя бы одного индейца сиу?
– При чем тут индейцы?
– Ты их не видел, но, несмотря на это, они существуют.

Брим задумался. Почесал висок.

– Не уверен.

Он шагнул на проезжую часть. И чуть было не угодил под колеса вылетевшей бог весть откуда машины. Секунду назад ее не было. Брим был готов поклясться, что дорога пуста. Однако ж чуть не угодил под колеса.

Взвыв сиреной, машина моргнула фарами, резко вывернула влево и, продолжая насадно завывать, унеслась в ночь.

Прочь.

– Вот же, жуть твою, – с трудом перевел дух Брим. – Чуть было... – Брим не хотел уточнять, что именно чуть было не произошло на ночной улице, а потому ограничился неопределенным взмахом руки. – Откуда, ночь бы в карман, взялась эта гогнутая машина?

– «Чуть было!..» – передразнил Шика, перепугавшийся едва ли не сильнее приятеля. – Надо смотреть, куда идешь!

– Хочешь сказать, ты видел машину?
– Конечно, видел! Слепым нужно быть, чтобы не увидеть!
– Врешь!
– А...

Шика махнул рукой и быстро перешел улицу.

– Это все бородатый, – прошипел себе под нос Брим.

Он настороженно посмотрел по сторонам, убедился, что машин нет, и быстро перебежал на другую сторону улицы.

Едва Брим ступил на тротуар, как за спиной у него, хлестнув плотным потоком горячего, упругого воздуха, пронесся грузовик.

Брим тихо выругался, отошел подальше от проезжей части и переложил пистолет из кобуры в карман. Ему все меньше нравилась затея с проверкой странного ларька. Не хватало только, чтобы кирпич на голову свалился. Брим посмотрел наверх. Так, на всякий случай. Да вроде бы неоткуда. Конечно, существует чудовищно малая статистическая вероятность того, что кирпич на голову может упасть просто так, ниоткуда. Или, если угодно, с неба. Его может принести ураган, бушующий в верхних слоях атмосферы. Или он может выпасть из багажного отделения самолета, груженного кирпичом... Бред, конечно. Но в том-то и суть.

Шика чуть пригнулся, пытаясь рассмотреть, что происходит в ларьке. Но витринные стекла были так плотно заставлены пивными бутылками, сигаретными пачками, упаковками презервативов, пакетиками с чипсами и прочей несъедобной снедью, что увидеть что-либо за ними было решительно невозможно. А полукруглое окошко закрывала серая картонка с грубо намалеванным на ней черным маркером одним только словом – «РАБОТАИТ!!!». Именно так – через «И». Прописными буквами и с тремя восклицательными знаками. Внутри играла музыка. Какой-то хрипатый блатняк под гармошку. Звук настолько плохой, что слов не разберешь. Как будто пиратскую запись, сделанную на подпольном концерте, прослушивали на плохоньком тифоне без наушников, зато на полную громкость.

Брим посмотрел на Шика.

Шика едва заметно кивнул.

Они уже полгода работали в паре и, случалось, понимали друг друга без слов.

Брим подошел к окошку и тихонько постучал.

Имитация музыки оборвалась.

Изнутри послышалось не то шуршание, не то кряхтение.

– Чего надо?

Голос недовольный. И – странный. Настолько странный, что не разберешь, мужчина говорит или женщина.

– Сосиску в булке и пиво, – нарочито громко произнес Брим.

– Какое пиво?

– Все равно, лишь бы из холодильника.

– Щас...

Снова невнятное ворчание внутри. Затем – скрежет с подвыванием. То ли микроволновка работает, то ли шкаф двигают. А может быть, и то и другое одновременно.

Брим весело подмигнул Шике. Порядок, мол. И полез в карман за бумажником.

У Шики лицо напряжено. Взгляд нервно скачет из стороны в сторону. Будто чувствует опасность, но никак не сообразит: где ж она? И под какой личиной таится?

Картонка с надписью «РАБОТАИТ!!!» поползла в сторону.

– Сколько? – наклонился к окошку Брим.

Он успел увидеть два вороненых ствола обреза, пристально и вроде бы с тоской глядящих на него из окошка.

Выстрел прозвучал на удивление тихо.

Будто приглушенный хлопок.

Или это только Бриму так показалось?..

Да, наверное...

Потому что звук выстрела стал последним, что связывало его с миром. Он уже не увидел, да, наверное, и не смог бы запомнить свинцовые шарики, летящие ему в лицо.

Пригоршня картечи будто отшвырнула Брима назад. Раскинув руки в стороны и неловко подогнув ноги, он упал на горячий, кажущийся мягким асфальт.

Впрочем, горячим и мягким асфальт казался тем, кто был еще жив. Бриму же было уже все равно.

– Твердь твою!..

Выхватив пистолет, Шика метнулся к окошку.

И тоже получил заряд крупной дроби в лицо.

– Ну и стоило ли все заново начинать? – спросил, обратив взор к темному, беззвездному небу, человек в солдатской шинели.

Ему никто не ответил.

Бородатый удрученно цокнул языком.

– На стороне нужно искать. Таких, которые не рисуются. Которым действительно по фигу весь этот цирк с мемами.

Он снял шинель, аккуратно сложил ее и повесил на спинку скамейки. Проведя ладонями по густым, растрепанным волосам, он посмотрел по сторонам, будто хотел убедиться, что ничего не потерял и не забыл, и пошел по аллее.

Вдаль.

Туда, где вскоре должна была заняться заря.

Локализаторы. Гнездо шоггота

Гнездо шоггота закрыто серым асбестовым полотном, натянутым на круглую алюминиевую раму, прибитую к асфальту девятидюймовыми гвоздями. В девяти точках, равномерно распределенных по окружности. Щель между асфальтом и заглушкой залита жидкими гвоздями. Все по инструкции. Рядом установлены предупреждающие знаки. Все как и полагается. Неподалеку стоит патрульный джип. И четверо ребят в шлемах с затененными забралами.

- Так, кто здесь старший? – с ходу, из машины не выбравшись, натянул поводья Брим.
- Нет старшего, – ответил один из патрульных.
- Как это – нет?

Не глядя на тех, с кем он разговаривал, Брим принялся ладонью очищать рукав стильного темно-синего пиджака с широкими лацканами и короткими полами от налипших на него волосков. Шика днем отвозил собаку к теще. И додумался посадить ее на переднее сиденье. А собака у него ворсистая. Какой-то странной породы – на лису похожая. Теперь все сиденье, да что там сиденье – весь салон в собачьей шерсти! И ведь не скажешь ему, что болван, – обидится. Брим искоса глянул на хлопнувшего дверцей с другой стороны Шикю. Да уж, чувствительный ему достался напарник. Но вообще-то Брим о том не жалел. Пусть лучше чувствительный, чем зануда. Или, того хуже, – дурак. В смысле, истинный дурак, по жизни, а не тот, что собак на переднем сиденье возит. Как-то раз, еще до Исхода, Бриму довелось работать с дураком, который сам прекрасно понимал, что он дурак. Вот это была песня! Занимался Брим доставкой экспресс-почты. А дурак был у него шофером. Водилой дурак был профессиональным, но во всем остальном – дурак дураком. И чуть что не так, голову – в плечи, руки – в стороны. Ну, чего вы от меня хотите? Дурак я! Дурак! Порой у Брима закрадывались подозрения, что напарник его вовсе и не дурак, а лишь прикидывается дураком. Чтобы, значит, жить было проще. С дурака ведь какой спрос? Однако ж если так, то делал он это настолько профессионально, что Бриму ни разу не удалось его подловить. Интересно, чем сейчас этот дурак занимается? А впрочем, какая разница? Он – где-то там, а Брим – здесь. Шогготов изводит. Работа у него такая. Шогготы любят ночь, а Брим не любит шогготов. Поэтому и работает он преимущественно по ночам. Многие, вот хотя бы Шика, ночь не любят. Шикю дома жена ждет, дети. Та же теща с псом блохастым. А Брим один – ему все равно. Ночью даже лучше. Не так бросаются в глаза городские мерзости. Кто-то говорит, что это после Исхода город так запаршивел. А Брим полагает, что он всегда был таким. Только Исход сорвал с него золоченое покрывало, под которым прятались гниль да плесень. Мертвое, полуразложившееся тело.

- Как это – нет старшего? Куда он, за пивом, что ли, пошел?
- Чистильщики его увезли.
- Чистильщики?

Брим выразительно посмотрел на патрульного. Но у того на голове шлем с затененным забралом, и ему все равно. Как бильярдному шару. Тогда Брим перевел удивленный взгляд на напарника. Шика как раз вытащил из багажника машины дьюар с жидким азотом и устанавливал его возле заглушки. Ему, видно, тоже было не до похищенного чистильщиками командира патрульных – он лишь безразлично пожал плечами. Присел на корточки и стал вворачивать клапан в отвод на ободке заглушки.

- Какие, трель твою, чистильщики? – снова уставился на патрульных Брим.
- Санитары на «неотложке».
- Слышал, Шика? – через плечо глянул на приятеля Брим. – Санитары у патрульных командира увезли!
- Ну и что? – не отрываясь от работ, буркнул Шика. Он подсоединил к клапану гибкий шланг в металлической оплетке. – Увезли – значит, так надо.

– Кому, трель твою, надо катать патрульных на «неотложке»?

Брим взмахнул руками – универсальный жест, которым можно выразить многое, если не все. В исполнении Брима взмах руками выражал недовольство, возмущение, протест, непонимание и, самую малость, желание отлынить от дела, которым он должен был заниматься. Нет, ну в самом деле! Удавить прикрытого заглушкой шоггота – дело нехитрое. Интереснее выяснить, куда это и зачем укатил старший патрульный с санитарями? Брим видел «неотложку» не только снаружи, но и изнутри. На прогулочный фиакр не похоже. Да и на карету «Скорой помощи» – тоже. Одно только название, что «неотложка». Чтобы людей не пугать. На самом деле фургон этот и труповозкой не назовешь. Хуже. Гораздо хуже. Есть вещи, которые самому лучше не видеть. Да и с чужих слов знать о них вовсе не обязательно.

Говорят, в Китае из города в город курсируют передвижные фургоны смерти – автобусы, специально оборудованные для приведения в исполнение смертных приговоров. Технология, в принципе, понятна. При массовом вынесении смертных приговоров экономическая выгода – налицо. А китайцы – народ рачительный, добро понапрасну разбазаривать на станут. Не то что наши соотечественники, для которых главное – широта да простор. Так, чтобы махнул одной рукой – гуси из рукава полетели, махнул другой – вино рекой полилось. Ну, или, на худой конец, пиво... Вот и возникает вполне, так сказать, технологический вопрос: как и, главное, куда из этих фургонов трупы казненных исчезают? Вопрос, может, и возникает, только вслух его никто не задает. Зачем? Эдак ведь недолго и на неллицеприятный ответ нарваться. В смысле, а вам-то, дорогой товарищ, что за дело до наших покойников?

И все же Бриму хотелось знать, что произошло со старшим патрульным.

Брим достал из кармана небольшую зажигалку в блестящем металлическом корпусе и щелкнул ею, точно в руке у него диктофон.

– Вы не станете возражать, если я буду записывать наш разговор?

Патрульные плотнее сбились в кучку. Бриму даже показалось, что сейчас они начнут биться шлемами, чтобы таким образом наладить невербальный контакт. Глядя со стороны, их запросто можно было принять за инопланетян. Гадких и злобных элайнов. Вышедших на улицы города в поисках жертв. У которых они здоровенными шприцами отсасывают особую спинномозговую субстанцию, образующуюся в момент...

– Брим!

– Ну, что еще? – недовольно оглянулся стильный лок.

Оглянулся – и тут же забыл, о чем спросил. Асбестовое полотно заглушки на гнезде шоггота вспучивалось и поднималось вверх, как будто под ним надувалось сразу несколько воздушных шаров. Или же какая-то бесформенная масса, плотная и упругая, пыталась выбраться наружу. Спрашивать, что это такое, не имело смысла: если Брим не знал ответа, откуда Шике знать?

– Ты отвлекаешься от работы, – медленно процедил сквозь зубы Шика.

Глядел он при этом не на Брима, а на асфальт у себя под ногами.

Бриму только показалось или Шика на самом деле злился на него?.. Странно, Брим вовсе не чувствовал себя виноватым. Ни в чем... Ну, разве что неделю назад... Так это когда было!

– Брим, сосредоточься на работе, – снова зашипел Шика.

– А я что делаю? – непонимающе округлил глаза Брим.

– Тащи сканер. Живо!

– Да не проблема. – Брим достал из багажника большой чемодан из черного пластика и демонстративно хлопнул дверцей. – Чего ты так разбухтелся?

– Ты видишь, что происходит? – Шика указал на вздувающееся полотно. – Видишь?

– Ну и что? – с показным безразличием дернул плечом Брим. – Шоггот зашевелился. Сейчас мы его...

– С чего он вдруг зашевелился?

– Да откуда мне знать-то? Может, неудобно ему там, решил на другой бок перевернуться...

Волнение под полотном стало затихать. Как будто вниз, под асфальт уходило.

– Вот видишь! Порядочек!

Брим поставил чемодан, шелкнул запорами и откинул крышку.

Шика слышал множество историй о пробудившихся шогготах, которые начинали проявлять себя на физическом уровне. Но при этом не встречал ни единого человека, который сам бы был тому свидетелем. О чем это говорило? О том, что, скорее всего, все эти истории являлись либо выдумкой чистой воды, либо фантастической интерпретацией неких вполне реальных событий, к шогготам отношения не имеющих. Шогготы не существовали на привычном нам физическом уровне – сей непреложный факт локализаторам был известен лучше, чем кому бы то ни было.

Шика был локом.

И все же...

Шика покосился на двух пожилых мужичков в спортивных костюмах со вздувшимися на коленях пузырями и оттянутыми карманами. Они сидели на бордюре, не спеша потягивали пиво из бутылок и наблюдали за работой локализаторов. Им было все равно, на что смотреть – просто нечем было заняться. Они могли бы точно так же сидеть и пить пиво, глядя на спаривающихся дворняг. Или на крысу, размазанную по асфальту колесом грузовика. Состарившись, обрюзгшие, страдающие простатитом и геморроем Бивис и Батхед. Их мемплексы – куча подпирающих друг друга стандартных блоков.

Чуть в стороне, возле сломанного банкомата, топтались трое молодых ребят в широченных штанах, свисающих до колен майках и одинаковых сине-белых банданах. Они негромко переговаривались, демонстративно громко хохотали, толкали друг друга с показной агрессивностью и время от времени настороженно поглядывали в сторону обосновавшейся на проезжей части компании. Интересовали их не локализаторы, а патрульные. Ребята то ли затевали что-то нехорошее, то ли уже что-то натворили и теперь пытались понять, не пало ли на них подозрение? И не по их ли душу прибыли среди ночи стражи порядка? Стандартная малобюджетная сборка из примитивных, уже побывавших в употреблении мемплексов.

Больше никого поблизости не было. Значит, спровоцировать шоггота мог либо кто-то их патрульных, либо ушедший в глухую несознанку Брим.

– О чем ты думал, Брим?

Брим даже головы не поднял.

– Когда?

И все же...

Если чего-то никогда прежде не происходило, сей факт вовсе не означает, что этого вовсе не могло быть. Это означало лишь одно – никто прежде этого не видел. И, если ты хочешь стать свидетелем того, что никогда прежде никто не видел, нужно лишь не упустить случай. И в нужный момент, оказавшись в нужном месте, посмотреть в нужную сторону.

Что, если именно им, Шике и Бриму, выпала такая удача? Стать первыми свидетелями того, что прежде считалось невозможным?..

– О чем ты думал, когда я тебя окликнул?

– А... Ну, точно не помню...

– Напрягись.

– Слушай, ты постоянно донимаешь меня этими дурацкими расспросами. О чем ты думал?.. Что ел на ужин?.. Сколько раз в туалет ходил?.. Тебе что, заняться больше нечем?

– Я делаю свою работу.

– Я тоже!

Брим включил сканер.

На экране появилось причудливое, диковинное существо, будто снятое на дне самой глубокой морской впадины. Тело похоже на скрученную в упругую спираль раковину моллюска, из которой торчат длинные, тянущиеся вверх и словно колеблемые невидимыми потоками многочисленные щупальца. Что самое удивительное, существа этого на самом деле не существует. Сканер улавливает лишь его образ, отражение, спрятанное под асбестовой заглушкой.

– Красиво, черт возьми...

Один из наставников, объяснявший будущим локализаторам, в чем будет заключаться их работа, сравнил шогготов с темной материей – их присутствие невозможно зафиксировать на физическом уровне, но их необходимо принимать в расчет. Иначе вся картина мироздания довольно быстро превратится в грязный комок копировальной бумаги, летящий в разверстое жерло черной дыры... Он даже порядковый номер этой чертовой дыры назвал. Да только номер у Брима из головы вылетел. У него вообще была плохая память на цифры. Он даже свой собственный возраст знал весьма приблизительно. В случаях, когда нужно было точно его назвать, Брим принимался на пальцах считать прожитые годы.

Ладно, к дьяволу то, что кануло в Лету!

Под асбестовой заглушкой ничего нет.

Повторим это медленно, выразительно, по слогам: ни-че-го!

Отраженный образ. Подсознательная флуктуация воображения.

Тогда что же пыталось выбраться из-под заглушки?..

Брим растянул губы в подобие усмешки Гуимплена и ногтем постучал по обнажившимся, крепко стиснутым зубам. Он знал за собой эту дурацкую привычку. Сам ее ненавидел. И даже пытался бороться. Вот только совладать с ней ему не удавалось. Почти никогда.

– Брим...

– Да?

– О чем ты думал?

– О том, что патрульные похожи на инопланетян, с мясорубками наперевес вышедших на охоту за человеческими мозгами! – Брим махнул рукой в сторону так и стоявших плотно, едва не касаясь плечами друг друга, патрульных. – Скажи, что нет!

Шика отрицательно качнул головой:

– Это не то, что могло пробудить шоггота.

– О чем ты, дружище? – непонимающе посмотрел на приятеля Брим.

На самом деле он, конечно же, понимал, что имел в виду Шика. А Шика, в свою очередь, прекрасно понимал, что Брим притворяется. Но Брим не хотел говорить Шике, что порой его стремление выслужиться здорово отдает идиотизмом. А Шика был уверен, что Бриму просто нечего сказать.

– Ты сам видел, что произошло.

– Я ничего не видел.

– Ничего?

– Ничего такого, чему невозможно дать разумное объяснение.

– Чьи-то мысли породили мемвирус, который, в свою очередь, вызвал пробуждение шоггота. Это как, сойдет?

– Знаешь, на кого ты сейчас похож?

– На кого?

– На дворника, начитавшегося попсовых брошюр и решившего, что теперь он лучше всех понимает теорию относительности.

– Я говорю лишь о том, что мы оба видели.

– Да наплевать мне на то, что мы видели! – едва не с отчаянием всплеснул руками Брим. – Я знаю, что шогготы нереальны! Что они не могут оказывать физическое воздействие на предметы! Все, Шика! Точка! Я понятия не имею, что происходит там, под заглушкой. Да, честно

признаться, и знать не хочу. Мы здесь для того, чтобы прикончить этого шоггота. И мы знаем, как это сделать. Так чего ж мы тянем?

Тянул вообще-то Шика. Но Брим из дипломатических соображений использовал местоимение «мы». И, надо сказать, поступил весьма разумно. В данном, конкретном случае.

Мироздание могло катиться в тартарары, но короткое слово «мы», произнесенное одним из напарников, сплавляло их в единую двутелесную сущность. С которой чужаку лучше было не связываться. Потому что она готова была защищать себя с силой и яростью объединившихся в ней существ. Причем, что самое удивительное, удвоения интеллектуальных способностей у данной андрогинной сущности не наблюдалось. Скорее наоборот, уровень мыслительной активности снижался почти вдвое, приближаясь порой к отметке легкого идиотизма. Должно быть, все нервные синапсы были задействованы на обеспечение стремительной и бесперебойной рефлекторной деятельности. Длилось подобное экстатическое слияние недолго, но эффект его мог значительно превзойти ожидания тех, кто прежде не сталкивался с подобным феноменом.

Брим хотел, чтобы Шика прекратил свои поиски причин, а может быть, заодно и виновника странного происшествия, свидетелями которого они стали. Да – удивительно. Да – ничего подобного они никогда прежде не видели. Ну и черт с ним! Под заглушкой сидел шоггот. Самый обыкновенный шоггот. Для того чтобы удостовериться в этом, достаточно было взглянуть на экран сканера. Их задача – уничтожить шоггота. Для этого Шике достаточно кран повернуть, выход от которого он уже подсоединил к заглушке. Три-четыре минуты – и от шогготика останется лишь воспоминание! Да еще сделанная сканнером запись – как подтверждение того, что локи выполнили свою работу. А раз выполнили – значит, могут отвалить! Именно так гласит народная мудрость, которую Брим готов был превратить в Первую Заповедь Локов.

А почему нет? У врачей ведь есть их клятва Гиппократата!.. Вот только можно ли приравнять к врачам патологоанатомов?.. Что может означать заповедь «Не навреди» в отношении покойника?.. И на что они кладут руку, когда произносят свою крякнутую клятву?.. И можно ли после этого им руку пожимать?..

На этот раз Брим почувствовал, что его понесло. О, на этот раз он первым окликнул приятеля!

– Шика! – он сделал движение кистью руки, как будто что-то повернул. – Крути краник!

– Нет! Нет! – Шика вскинул руку, как будто испугавшись чего.

Или – желая защитить глаза от внезапно вспыхнувшего яркого света.

– Что – нет?

Брим озадаченно посмотрел сначала на заглушку – лежит, не шелохнется, затем – на экран сканера. Там тоже полный порядок – шоггот съехался, затих, щупальцами неторопливо перебирает. Как будто вылавливает что-то из потоков чужих мыслей и чувств, сквозь которые плывет из ниоткуда в никуда. Оставаясь при этом на месте. Пришпиленный к асфальту асбестовой заглушкой.

– В чем проблема, Шика?

Брим спросил это так, для порядка. На самом-то деле он знал ответ. Ну, или, по крайней мере, полагал, что знает... Да к черту все! Брим точно знал, был уверен в том, что Шика мечтает выслужиться в контролеры. Как он дослужился до локализатора, Шика никогда сам не рассказывал, но Брим-то знал, что прежде его напарник работал санитаром! Ага! «Неотложку» водил!.. К дьяволу, лешему, в жопу крякнутому шогготу все... Если хочет – пусть будет. Это, в конце концов, его право... Его желание... Санитар может стать локализатором. Лок, если как следует подпрыгнет, может зацепиться за должность контролера. Но дальше-то дорога все равно закрыта. Еще ни один контр не стал криминалистом. Все! Дальше хода нет. Крымы – это уже другой мир. Крымы – это уже действительно Гильдия, а не прихожая, в которой обслуга

топчется – локализаторы, санитары, контролеры. Да, и патрульные, пожалуй, тоже. Они хотя формально и самостоятельная структура, а все одно, под Гильдией ходят. А Гильдия – это уже другой мир. В который ни нахрапом не прорвешься, ни тихой сапой не проберешься. А ежели так, то какой смысл корячиться да из кожи вон лезть? Кто сказал, что контрам живется веселее, чем локам? У контра палец все время на спусковом крючке пляшет. И, в отличие от того же санитаря, он до последнего не знает, в кого нужно стрелять. Да и нужно ли?..

Шика пальцем подозвал Брима к себе. И, когда тот подошел, прошептал таинственно:

– Здесь что-то не так.

– Где именно? – уточнил на всякий случай Брим.

Хотя, в принципе, ему было понятно, в какую сторону клонит напарник.

– Шогготы не имеют физического воплощения. По крайней мере, в нашей реальности.

– Да, я в курсе...

Шика едва заметно повысил голос:

– Мы должны этим заняться.

– Мы? – недоумевающе уставился на него Брим. – Почему это мы?.. И кому это мы должны?.. И чем именно мы, по-твоему, должны заниматься?.. А еще!.. – Шика показал приятелю ладонь, давая понять, что он уже все понял и продолжения не требуется. Но Брима было уже не остановить. – А еще я хочу узнать, какого, пся крев, ты возишь в служебной машине свою собаку? Черт с ней, с тещей! Она не линяет! Но псина! Паршивая, блохастая псина!..

Хлоп!

– Что?

Взгляд Брима мгновенно сделался растерянным. И даже немного испуганным. Самую малость.

– Что?

Хлоп!

– Сам посмотри. – Шика взглядом указал в сторону, где находилась асбестовая заглушка.

– Нет, – мотнул головой Брим. – Не хочу!

– Он снова шевелится.

Хлоп!

Как будто кто-то несильно постукивает спичечным коробком или пустой сигаретной пачкой по туго натянутому брезенту.

– Пошел он в рай, – медленно, едва слышно процедил сквозь зубы Брим. И вдруг взорвался: – Открывай этот крякнутый баллон, Шика! Открывай немедленно! Открывай, или... – Он вскинул руку, сжатую в кулак, как будто собирался ударить. – Или я сам это сделаю! Честное слово, сделаю, Шика!..

Шика положил руку напарнику на плечо и не похлопал даже, а успокаивающе погладил. Взгляд же его при этом скользил по сторонам, перескакивая с одного выступающего из темноты предмета на другой, перебегая от одного растворяющего мрак пятна света к другому. Он будто искал, за что бы зацепиться. И не находил. Все, что он видел, казалось ему ненужным, не несущим никакой смысловой нагрузки. Абсолютно никаким. Или, во всяком случае, не тем, что он искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.